

ПИР–ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

~~НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ~~

№ 16

ЮРИЙ ФЕДОРОВ

**СУБСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
И ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

МОСКВА, 2001

Научные Записки ПИР-Центра №16

ПИР–ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 16

Юрий Федоров
ПИР-Центр

СУБСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ И ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Проблема классификации ядерных вооружений.....	5
Субстратегические ядерные вооружения в период <i>холодной войны</i>	10
Политика западных держав и КНР в области субстратегических ядерных вооружений.....	14
Политика Российской Федерации в области субстратегического ядерного оружия.....	25
Угрозы безопасности России и субстратегическое ядерное оружие.....	36
Проблемы и перспективы контроля над субстратегическими ядерными вооружениями.....	47
Заключение	54
Список использованных сокращений	55
Комментарии	56

Научные Записки ПИР-Центра №16

Москва, Ноябрь 2001
Выходят три раза в год
Издаются с января 1996 года

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство о регистрации № 017536 от 30 апреля 1998 г.

Настоящие «Записки» подготовлены в рамках научно-исследовательского
проекта ПИР-Центра
«Контроль над ядерными вооружениями»

Редакционная коллегия:

Ильдар Ахтамзян
Дмитрий Евстафьев
Андрей Загорский
Евгений Маслин
Владимир Орлов
Роланд Тимербаев
Юрий Федоров

Редакция:

Юрий Федоров, редактор номера
Карина Фуралева, технический редактор
Елена Полидова, секретарь редакции
Людмила Контява, корректор
Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, Москва, 103001,
Трехпрудный пер., 9

Телефон редакции: +7+095–234–0525

(многоканальный)

Факс: +7+503–234–9558

Интернет-представительство:

www.pircenter.org

Электронная почта:

info@pircenter.org (общие вопросы)

orlov@pircenter.org (письма директору)

fedorov@pircenter.org (письма редактору номера)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железнодорожном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Сарове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле.

Подписку можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. +7+095–234–0525.

Annual subscription overseas: please, send requests to fax +7+095–234–9558 or e-mail: siluyanov@pircenter.org.
Checks or wire transfers. Express mail delivery.

Тираж: 600 экз.

Подписано в печать: 20 ноября 2001 года

Отпечатано в России

- Материалы «Научных Записок» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде, иначе как с письменного разрешения Издателя.
- Исследование по проблемам тактического ядерного оружия и издание данного номера «Научных Записок» осуществлено ПИР-Центром при финансовом содействии Фонда Форда.
- Публикуемые в «Записках» материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- ПИР-Центр приветствует направление рукописей. Пожалуйста, предварительно запрашивайте описание требований, предъявляемых нами к рукописям (высылаются по почте, электронной почте или факсу). Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Роланд М. Тимербаев, председатель Совета

Владимир А. Орлов, директор и член Совета

Владимир А. Мау, член Совета

Юрий Е. Федоров, член Совета

Юрий А. Рыжов, член Совета

© ПИР-Центр, 2001

Научные Записки ПИР-Центра №16

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе предпринята попытка ответить на несколько вопросов. Какова политика ядерных держав, в том числе России, в отношении субстратегического ядерного оружия? Каковы проблемы и перспективы установления контроля над этими вооружениями? И, главное, каковы могут быть роль и место субстратегического ядерного оружия в системе средств и методов обеспечения военной безопасности России?

Функции ядерного оружия и его роль в обеспечении безопасности определяются структурой и характером глобального военно-политического ландшафта и местом в нем обладающего им государства. В последние годы обозначились некоторые существенные контуры новой системы международных отношений. Окончание острого политико-идеологического конфликта между *Востоком* и *Западом* изменило природу стратегической стабильности. Все большее значение приобретают взаимосвязанные угрозы международной безопасности и стабильности, порожденные распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, прежде всего ракет, локальными конфликтами и терроризмом. Перестройка мировой политики после *холодной войны* повлекла за собой существенные изменения в стратегических установках ядерных государств, затронувшие и их политику в отношении субстратегических вооружений.

Однако формирование новой, относительно устойчивой и предсказуемой глобальной стратегической ситуации далеко от завершения. Неясен, например, характер политики Китая в случае успешного завершения нынешних программ модернизации экономики и вооруженных сил. Это уже сейчас является одним из важных источников непредсказуемости мировой политики. Усиливается напряженность в мусульманском мире, от Индонезии до Алжира. Развитие ситуации в этих регионах с трудом поддается анализу; можно лишь констатировать тенденцию к нарастанию деструктивных тенденций, порождаемых экстремистскими движениями фундаменталистского исламского толка. Вспышка палестинского терроризма в Израиле, албанская экспансия на Балканах, нестабильность в Средней Азии и Синьцзяне, война в Чечне, террористические акты против США и ответная операция Соединенных

Штатов против режима *талибан* в Афганистане стали предвестниками новой волны войн и конфликтов первых десятилетий XXI века.

Мировая военно-политическая обстановка может претерпеть дальнейшие крупные изменения, вероятность которых сейчас представляется нулевой или минимальной. Действительно, в середине восьмидесятых годов распад СССР, крах Варшавского договора и объединение Германии не рассматривались как сколько-нибудь вероятные события. В свою очередь, неопределенность развития обстановки на мировой арене предполагает, что среди прочих могут реализоваться варианты, угрожающие жизненно важным интересам и самому существованию многих государств. Оценить же вероятность их осуществления, а также общие контуры сейчас крайне трудно, если вообще возможно. При формировании политики безопасности это заставляет ориентироваться на наихудший вариант развития событий, в том числе предполагать возможность появления разнообразных военных угроз безопасности страны.

Субстратегические вооружения занимают специфическое место в ядерных арсеналах. В годы *холодной войны* они были предназначены для боевого использования в так называемых *ограниченных ядерных войнах*. Теоретически, в новой глобальной военно-политической ситуации они могут быть применены в крупных региональных войнах, например, между Индией и Пакистаном или на Ближнем Востоке. Нельзя исключать попыток применения такого рода вооружений в гипотетических войнах на Корейском полуострове или в зоне Тайваньского пролива.

Тем не менее, наиболее вероятные конфликты будущего, если нынешние тенденции не изменятся радикальным образом, вряд ли потребуют применения ядерного оружия в любом его виде. Однако непредсказуемость мировой политики требует сохранения некоторого ядерного потенциала как гаранта национальной безопасности на случай кардинальных изменений нынешних тенденций развития мировой военно-политической обстановки. Вместе с тем, переоценка роли и значения ядерного оружия, его трактовка как некоего *абсолютного* средства обеспечения безопасности отвлекает внимание и ресурсы от совершенствования

Научные Записки ПИР-Центра №16

конвенциональных вооруженных сил, средств защиты от информационного оружия и предотвращения террористических акций, которые в наибольшей мере соответствуют потребностям безопасности в обозримом будущем.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Разработка подходов к сокращению субстратегического ядерного оружия, а также исследование связанных с ним проблем затруднены отсутствием полной, общепринятой и достаточно строгой в военном, техническом и правовом отношениях классификации ядерных вооружений. В этих целях используются различные критерии, в том числе не всегда сопоставимые друг с другом. Имеются противоречия в международно-правовых определениях стратегических вооружений. Это, в свою очередь, влечет за собой неясности относительно того, какие системы ядерных вооружений относятся к нестратегическим. Отсутствует единая интерпретация ряда важных терминов. Между тем, любое соглашение по ограничению или сокращению каких-либо вооружений требует ясного определения объекта соглашения. Выработка соответствующих определений, как правило, требовала длительных усилий и решения сложных юридических и технических проблем во время практически всех переговоров по контролю над вооружениями. По сути дела, было необходимо изложить в международно-правовых формулах военно-технические критерии, позволяющие отличить одну систему оружия от другой.

Классификация ядерных вооружений может быть основана либо на их предназначении, то есть на круге военных и военно-политических задач, которые должны быть решены их применением или угрозой применения, либо на их тактико-технических характеристиках¹. К последним относятся, например, особенности распределения энергии ядерного взрыва по различным поражающим факторам, мощность ядерного боезаряда и, в первую очередь, дальность носителя.

Возможность менять в определенных пределах распределение энергии, выделяемой при взрыве ядерного устройства, по различным поражающим факторам позволяет создавать боеприпасы избирательного действия, которые обычно относят к оружию четвертого или

пятого поколений. В их число, прежде всего, входят:

- Нейтронное оружие, в котором повышенная, по сравнению с *обычным* ядерным боеприпасом, часть мощности ядерного взрыва приходится на генерирование потока нейтронов, поражающих живую силу противника. Это оружие предназначено для использования в *ограниченных* войнах, главным образом против крупных танковых группировок.
- Ядерные заряды, генерирующие электромагнитные импульсы большой мощности, выводящие из строя электронные устройства, поражая, таким образом, средства связи и управления войсками, компьютерные компоненты различных систем оружия, в том числе ядерного. Иногда указывается, что такие боеприпасы могут быть использованы на первой стадии *обезоруживающего* удара стратегическими средствами с тем, чтобы парализовать системы управления и связи противника и минимизировать тем самым его способность к ответному удару.
- Ядерные авиабомбы и боеголовки ракет, проникающие на несколько десятков метров под поверхность земли, повышенная доля мощности взрыва которых приходится на создание механической ударной волны, разрушающей укрепленные подземные сооружения (шахтные пусковые установки, командные центры и так далее). В девяностые годы в США появились аргументы в пользу применения таких боеприпасов для уничтожения объектов по производству или хранению ОМУ, принадлежащих экстремистским государствам и движениям.

Мощность современных ядерных боезарядов может варьироваться в пределах от нескольких мегатонн до нескольких сотен тонн ТНТ (тринитротолуол) эквивалента. Как правило, ядерные боеприпасы небольшой мощности предназначены для тактических вооружений, для использования *на поле боя*, а максимальной мощности – для стратегических боеголовок, особенно, если их планируется применить в ходе так называемых *контрценностных ударов*, для уничтожения крупных городских центров, важнейших экономических объектов и так далее.

Научные Записки ПИР-Центра №16

На практике классификация ядерных вооружений обычно основывается на дальности средств доставки. Этот критерий позволяет, по крайней мере теоретически, разработать достаточно полную, верифицируемую и не поддающуюся двойной интерпретации типологию таких вооружений. При этом боевые задачи ядерных вооружений в известной мере коррелируют с дальностью средств доставки.

В бывшем СССР к стратегическим ракетно-ядерным вооружениям относились те, носители которых имели дальность более 1000 км, тогда как вооружения меньшей дальности считались тактическими, причем ракеты, дальность которых находилась в пределах 1000–5500 км, попадали в категорию средней дальности, а свыше 5500 км – в категорию межконтинентальных². В отечественной литературе и официальных документах используется также категория оперативно-тактических вооружений. В частности, в Послании по национальной безопасности президента России Федеральному Собранию 1996 года говорится, что Россия имеет стратегическое, оперативно-тактическое и тактическое ядерное оружие (ТЯО)³.

Точного определения грани между тактическими и оперативно-тактическими вооружениями нет⁴. Нельзя исключать, что это является результатом жесткой критики со стороны российского военного истеблишмента принятого в 1987 году решения о включении ракеты *Ока* (SS-23 или *Spider*) в список вооружений, подлежащих уничтожению по Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Подчеркивается, что *Ока* относилась к категории оперативно-тактических ракет, имела дальность 400 км и, стало быть, не должна была уничтожаться в соответствии с упомянутым договором. Эта критика не учитывает, однако, что дальность ракеты, при заданной энергетике двигателя, зависит от величины полезной нагрузки. В некоторых случаях дальность советской ракеты с легкой боеголовкой была почти на 30% выше, чем с тяжелой⁵. В этой связи вопрос о том, подпадала *Ока* под действие договора РСМД или нет, зависит от того, с какой боеголовкой она была испытана на дальность в 400 км⁶. Поэтому, если принять в качестве критерия различия между оперативно-тактическими и тактическими ракетами дальность 500 км, что логически вытекает из договора по РСМД, то *Ока*,

официально причисленная к категории оперативно-тактических ракет, должна была подпасть под его действие.

В российских документах девяностых годов классификация ядерных вооружений иногда связывается с типом конфликтов, в которых они могут использоваться. Стратегические вооружения, подчеркивается, например, в Послании по национальной безопасности 1996 года, играют ключевую роль в реализации политики ядерного сдерживания на глобальном уровне, а оперативно-тактические и тактические на региональном и локальном уровнях⁷. Эта формула может интерпретироваться так, что на локальном уровне политика ядерного сдерживания реализуется тактическими вооружениями, на региональном – оперативно-тактическими и на глобальном – стратегическими.

Такая постановка вопроса несколько расходится с логикой Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной в 2000 году. В ней, по сути дела, говорилось, что в локальном конфликте ядерное оружие применяться не должно; в региональной войне оно, скорее всего, может использоваться в ограниченном количестве, а в крупномасштабной – будут применены все его виды в массовом масштабе. Локальная война, утверждалось в Военной доктрине, «*может вестись группировками войск (сил), развернутых в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счет переброски войск, сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил. В локальной войне стороны будут действовать в границах противоборствующих государств и преследовать ограниченные военно-политические цели*»⁸.

Региональная война, отмечается далее в этом документе, может стать результатом эскалации локальной войны и вестись с участием двух или нескольких государств (групп государств) одного региона, национальными или коалиционными вооруженными силами «с применением как обычных, так и ядерных вооружений». Там также говорилось, что «в региональной войне стороны будут преследовать важные военно-политические цели»⁹. В Военной доктрине 2000 года нет понятий *глобальная война* или *сдерживание на глобальном уровне*. Вместо них используется понятие *крупномасштабная война*. Там подчеркивается:

Научные Записки ПИР-Центра №16

«крупномасштабная война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества. В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели»¹⁰.

Таким образом, в Военной доктрине не устанавливается прямая связь между различными категориями ядерного оружия и масштабами вооруженных конфликтов и войн. Возможно это обусловлено тем, что сегодня очень сложно провести четкую грань между ТЯО и оперативно-тактическим ядерным оружием. В значительной мере ядерное оружие относительно небольшой мощности, предназначенное для использования в локальных и региональных войнах в ограниченном количестве, представлено в настоящее время ядерными авиационными бомбами и ракетами воздушного базирования, носителями которых являются фронтовые бомбардировщики или истребители-бомбардировщики. Последние могут применяться в боевых действиях на расстояниях от нескольких десятков до нескольких сот километров, в том числе и более 500 км.

В США и некоторых других западных странах ядерные вооружения разделяются на: стратегические, театра военных действий и оружие поля боя, которое часто называют тактическим. Критерии для отнесения

конкретной системы к тому или иному классу основываются, главным образом, на дальности средства доставки. Так, в Соединенных Штатах было принято деление баллистических ракет на тактические (малой дальности) и стратегические (большой дальности), граница между которыми проходила на уровне 800 км. В свою очередь, стратегические ракеты подразделялись на ракеты средней дальности (800–2400 км), промежуточной дальности (2400–6400 км) и межконтинентальные, дальностью свыше 6400 км¹¹.

В Китае используется своя классификация ракет с ядерными боезарядами.

В международных соглашениях, относящихся к ядерному оружию, для его классификации чаще всего используются характеристики средств доставки. Так, под действие Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) от 31 июля 1991 года подпадают следующие системы ядерных вооружений.

Кроме того, в приложении к договору СНВ-1 стороны взяли на себя политические обязательства об ограничении количества крылатых ракет морского базирования (КРМБ) дальностью более 600 км. В свою очередь, эта дальность (а точнее – дальности) были производными более общего критерия. США и бывший СССР договорились, по сути дела, относить к стратегическим вооружения, способные наносить удары по территории друг друга из определенных географических зон: со

Таблица 1. Классификация ракет в КНР

Малой дальности	Средней дальности	Большой дальности	Межконтинентальной дальности
До 1000 км	1000–3000 км	3000–8000 км	Более 8000 км

Источник: SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.476.

Таблица 2. Вооружения, подпадающие под действие Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 года

Система вооружений	Дальность
Тяжелые бомбардировщики	Более 8000 км
Тяжелые бомбардировщики, оснащенные для ядерных крылатых ракет и баллистических ракет воздушного базирования	Дальность крылатых и баллистических ракет воздушного базирования более 600 км
Пусковые установки ракет наземного базирования (МБР)	Дальность МБР более 5500 км
Пусковые установки баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ)	Дальность БРПЛ более 600 км

Источник: Справочник «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М., ПИР-Центр, 2001, с.12, 13.

Научные Записки ПИР-Центра №16

своей собственной территории или из районов, находящихся вне зоны действия национальных систем ПВО или береговой обороны.

Если ориентироваться на договор СНВ-1, к субстратегическим (или, иначе, не стратегическим) относятся все системы ядерных вооружений, которые состоят из ядерного боезаряда, размещенного на носителях меньше указанной дальности. Конкретно:

- бомбардировщики (истребители-бомбардировщики) дальностью менее 8000 км и/или оснащенные для авиабомб, и/или для баллистических и крылатых ракет воздушного базирования дальностью менее 600 км;
- баллистические и крылатые ракеты воздушного базирования дальностью менее 600 км;
- БРПЛ дальностью менее 600 км;
- баллистические ракеты наземного базирования дальностью менее 5500 км.

Вопрос о том, относятся ли КРМБ дальностью свыше 600 км к стратегическим вооружениям или нет, не нашел однозначного решения в договоре СНВ-1. Бывший СССР настаивал на том, что эти вооружения должны подпадать под действие договора СНВ-1 и, следовательно, считаться стратегическими. Это аргументировалось тем, что, имея дальность около 2500 км, КРМБ *Tomahawk* могли поразить цели на значительной части территории страны. США возражали против включения КРМБ в список вооружений, подпадающих под действие договоров СНВ-1 и, затем, СНВ-2, ссылаясь на категорический отказ командования военно-морских сил допускать на боевые корабли иностранные инспекционные группы. В итоге, СССР и США приняли политическое и не подлежащее проверке обязательство об ограничении КРМБ в отдельном документе, приложенном к договору СНВ-1.

Дальность носителя использовалась в качестве критерия и при подготовке и заключении договора РСМД 1987 года.

Таблица 3. Классификация ракетного оружия по договору РСМД

Средней (промежуточной) дальности	Меньшей дальности
5500–1000 км	500–1000 км

Источник: Справочник «Контроль над вооружениями и военной деятельностью». М., ПИР-Центр, 2001, с.46.

Таким образом, применительно к баллистическим ракетам наземного базирования с ядерными боеголовками выстраивается довольно стройная схема классификации, основанная на дальности средств доставки:

- стратегические вооружения дальностью 5500 км и более, представленные МБР;
- вооружения средней (промежуточной) дальности, представленные ракетами дальностью от 1000 до 5500 км;
- вооружения меньшей дальности, представленные ракетами дальностью от 500 до 1000 км (примерно соответствует российским оперативно-тактическим ракетам);
- тактические вооружения (малой дальности), представленные ракетами дальностью до 500 км.

Крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ), в соответствии с логикой указанных соглашений, могут быть подразделены на:

- тактические, дальностью до 500 км;
- меньшей и средней дальности, представленные системами дальностью, соответственно, 500–1000 км и 1000–5500 км.

КРНБ или КРМБ межконтинентальной дальности в настоящее время нет, хотя попытки их создания имели место. Так, в бывшем СССР в 1954 году были начаты разработки двух межконтинентальных крылатых ракет: *Буря*, с проектной дальностью стрельбы 8000–8500 км, и *Буря*, с проектной дальностью стрельбы 9150 км. Однако эти разработки были прекращены, соответственно, в 1960 и 1957 годах¹².

Вместе с тем, согласованные в рамках договоров СНВ-1 и РСМД параметры разделения баллистических ракет на стратегические и субстратегические противоречат российско-американским договоренностям относительно разграничения стратегических и тактических систем противоракетной обороны. Согласно этим договоренностям, достигнутым в сентябре 1997 года, компонентам систем ПРО (ракетами-перехватчикам, радиолокационным станциям (РЛС) и т.д.) запрещалось придавать способность бороться со стратегическими баллистическими ракетами. При этом, в частности, указывалось, что

Научные Записки ПИР-Центра №16

- скорость баллистической ракеты-мишени не должна превышать 5 км/сек на любом участке траектории полета;
- дальность баллистической ракеты-мишени не должна превышать 3500 км¹³.

Иными словами, к стратегическим баллистическим ракетам, согласно данной договоренности, относятся те, чья дальность превышает 3500 км, а не 5500 км, как это следует из договоров СНВ-1 и СНВ-2. Таким образом, дальность средств доставки в качестве критерия разделения стратегических и субстратегических ядерных вооружений не является неким *абсолютным* критерием разграничения стратегических и субстратегических ядерных вооружений. Положение осложняется тем, что указанные конкретные параметры разграничения стратегических и субстратегических средств были выработаны в процессе советско-американских, а затем – российско-американских переговоров и, соответственно, отражали специфику военно-политических отношений этих двух государств. Как уже отмечалось, по сути дела, к стратегическим вооружениям были отнесены те, которые были способны поразить цели на всей или значительной части территории противника, будучи запущенными с собственной территории, из воздушного пространства или из районов Мирового океана вне зоны действия средств противовоздушной и береговой обороны потенциального противника.

Между тем, для иных государств, например, европейских к таким вооружениям могут относиться российские средства средней дальности, прежде всего бомбардировщики Ту-22М и Су-24. Во время дискуссий и переговоров по ракетам средней и меньшей дальности в восьмидесятых годах в бывшем СССР неоднократно ставился вопрос о том, что американские средства средней дальности – баллистические ракеты *Pershing-2* и КРНБ BGM-109G, будучи размещенными в Европе, представляют по отношению к СССР стратегическое оружие, ибо способны поразить жизненно важные цели на значительной части европейской территории страны. Весьма сложным является вопрос о разграничении стратегических и субстратегических ядерных вооружений морского базирования, поскольку в этих случаях речь, как правило, идет о носителях (крылатые ракеты и авиация морского

базирования), установленных на мобильных платформах. В зависимости от местонахождения такой платформы, развернутые на ней вооружения могут поражать цели, находящиеся в различных районах территории противника, в том числе на большом расстоянии от морского побережья.

Таким образом, известные схемы классификации ядерных вооружений на *стратегические, тактические, оперативно-тактические, оружие поля боя, оружие театра военных действий* имеют относительный и во многом условный характер. Более того, одна и та же система вооружений, например, фронтовые бомбардировщики, может относиться и к *оружию поля боя*, и к *оружию театра военных действий*. Наконец, стратегические вооружения вполне могут использоваться для использования в нестратегических целях. Например, ракеты дальностью более 5500 км могут использоваться для уничтожения целей, находящихся на меньших расстояниях от места пуска.

В свете этого полезной могла бы быть классификация ядерных вооружений, на субстратегические, предназначенные, главным образом, для использования в так называемых ограниченных ядерных войнах, и на стратегические, чьей главной задачей является сдерживание агрессии потенциального противника путем угрозы развязывания тотальной ядерной войны. Конкретно, стратегические вооружения служат для:

- уничтожения стратегических вооружений противника в местах их базирования, а также систем командования и управления ими в ходе превентивного удара;
- разрушения городских и промышленных центров противника в ходе ответного или ответно-встречного удара.

Субстратегические вооружения, в свою очередь, могут быть использованы для решения намного более широкого спектра боевых задач. К их числу в самом общем плане относятся:

- уничтожение скоплений сухопутных войск противника, командных пунктов, узлов связи, аэродромов, транспортных узлов, ракетных установок и иных вооружений и ключевых объектов военной инфраструктуры, а также важнейших

Научные Записки ПИР-Центра №16

гражданских объектов как в прифронтовой полосе, так и на значительных расстояниях от нее;

- использование в целях ПВО для уничтожения атакующих группировок авиационных средств противника;
- уничтожение авианосных группировок ВМФ и других крупных военно-морских соединений и подводных лодок противника.

Такая классификация высвечивает связь между типом ядерного оружия и задачами, которые должны быть решены его применением или угрозой применения. Однако она не позволяет сформулировать более или менее четкие юридические или технические критерии разграничения различных типов ядерных вооружений. Несмотря на такого рода сложности в данной работе, в дальнейшем в качестве субстратегических ядерных вооружений будут рассматриваться вооружения, не подпадающие под критерии договора СНВ-1. Подобный подход, разумеется, пригоден только для академического исследования проблемы, но не может быть использован в переговорном процессе. В случае начала переговоров по контролю над тактическим (или субстратегическим) ядерным оружием, придется, скорее всего, затратить немало времени на выработку формул, четко определяющих объект будущих договоренностей.

СУБСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Один из важных вопросов, встающих при анализе нынешней военно-стратегической обстановки и перспектив ее развития: изменились или нет роль и назначение ядерного оружия после прекращения *холодной войны*. В ходе идущих сегодня в России дискуссий, доминирующие позиции занимает точка зрения, что ядерное оружие, в том числе субстратегическое, остается, как оно и было в прошлом, эффективным средством компенсации слабости обычных (конвенциональных) вооруженных сил. Такой подход воспроизводит, по крайней мере внешне, известные элементы стратегических установок НАТО периода острого военного противостояния в Европе. Последние исходили из существенного превосходства советских конвенциональных сил на Европейском континенте, готовности СССР к

проведению крупных наступательных операций континентального масштаба и необходимости использования объединенными вооруженными силами НАТО субстратегических вооружений для срыва или сдерживания советской агрессии.

Функция американского ядерного оружия как средства компенсации советского конвенционального превосходства действительно имела место на первом этапе *холодной войны*, до тех пор, пока бывший СССР не создал свой ядерный арсенал. Аналогичные задачи выполняло и американское тактическое оружие, развернутое в Южной Корее, а также в пятидесятые–шестидесятые годы на Тайване. Учитывая, что Советский Союз создал собственные субстратегические ядерные средства, предназначенные для использования на Европейском театре военных действий, конвенциональный вооруженный конфликт в Европе с высокой вероятностью и высокими темпами эскалировал бы в *ограниченную* ядерную войну, в которой обе стороны использовали бы субстратегическое ядерное оружие. В свете этого, ядерные средства НАТО, дислоцированные в Европе, предназначались, фактически, не только и не столько для нейтрализации советского конвенционального превосходства. Скорее, они создавались и развертывались для ведения успешной *ограниченной* ядерной войны и, соответственно, сдерживания, таким образом, советской агрессии. При этом критерии *победы* в ограниченной ядерной войне и ее *ограниченности* до сих пор не имеют ясного определения.

Кроме того – и это гораздо важнее – считалось, что применение субстратегических, прежде всего американских ядерных вооружений, дислоцированных в Европе, против наступающих советских войск стало бы доказательством надежности американских ядерных гарантий союзникам США в Европе. Такие гарантии, по сути дела, означали, что Соединенные Штаты готовы пойти на риск тотального ядерного обмена с бывшим СССР в случае, если вооруженный конфликт в Европе перейдет по своим масштабам через некоторый порог, параметры которого, если и были определены в соответствующих оперативных планах, являлись строго секретными.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Иными словами, размещенное в Европе американское и английское ядерное оружие должно было выполнять двойную функцию:

- сдерживать возможную советскую агрессию путем угрозы инициирования *ограниченной* ядерной войны, которую СССР мог бы и не выиграть;
- обеспечить автоматическую или почти автоматическую эскалацию конфликта на Европейском континенте в тотальную ядерную войну между СССР и США.

Последняя функция американских субстратегических ядерных вооружений, развернутых на Европейском континенте в годы *холодной войны*, была намного более значимой, чем первая. Для европейских государств, особенно расположенных в центральной части континента, *ограниченная* ядерная война с применением тактических или оперативно-тактических вооружений означала бы такую же катастрофу, как для СССР или США тотальный ядерный обмен. И поэтому, единственной гарантией безопасности они полагали не столько способность к отражению или сдерживанию предполагаемой советской агрессии путем применения или угрозы применения субстратегического ядерного оружия, сколько автоматизм *хаотической* эскалации ядерного конфликта. В этом свете, американское оружие, размещенное в Европе, рассматривалось в военном и политическом планах как *связующее звено* между обеспечением безопасности Европы и Соединенных Штатов Америки. Смысл этой формулы заключался, по сути дела, в обеспечении автоматизма ядерной эскалации. Эта точка зрения была представлена в основных документах НАТО, в том числе в Стратегической концепции Североатлантического альянса, принятой в последние месяцы *холодной войны*. Там говорилось: «ядерные силы, развернутые в Европе и приданные НАТО, обеспечивают необходимую военную и политическую связь между европейскими и североамериканскими членами Альянса»¹⁴.

Вместе с тем, до сих пор нет полной ясности относительно того, как конкретно сочетались две указанные выше функции приданных НАТО субстратегических вооружений в период *холодной войны*, в какой мере НАТО планировало *контролируемое* использование этих систем в ходе ограниченной ядерной войны в Европе, каковы были военные и политические параметры *ядерного порога*,

длительность *ограниченной фазы* ядерной войны в Европе, условия эскалации на более *высокий* уровень ядерного обмена и так далее. Видный американский эксперт Дэвид Йост писал в этой связи: «На протяжении всей истории Альянса американские ядерные силы рассматривались как чрезвычайно важный политический инструмент; их фундаментальной целью было сдерживание и предотвращение войны. Однако на протяжении холодной войны не было дано ответов на несколько важных вопросов, относящихся к расширенному сдерживанию и ограниченным ядерным вариантам. К их числу относится вопрос о том, в какой степени использование ядерных сил театра военных действий означало бы увязку или спаривание с использованием американских межконтинентальных сил и каким образом могла контролироваться эскалация на более высокие уровни применения ядерного оружия»¹⁵.

Военно-политические установки США предполагали, с одной стороны, бесспорную верность союзническим обязательствам по отношению к странам НАТО, а также Японии и Южной Корее в том числе надежность ядерных гарантий. Но, с другой, – руководство США добивалось укрепления обычных вооруженных сил европейских государств-членов Североатлантического альянса, с тем, чтобы *удлинить* конвенциональную стадию конфликта, сдержать наступление войск Организации Варшавского договора (ОВД) неядерными средствами, возможно сделать *ограниченную* ядерную войну слишком болезненной и тяжелой для СССР и попытаться найти политическое решение, не доводя дело до стремительной ядерной эскалации вплоть до стратегического уровня. Свидетельства ряда хорошо информированных американских специалистов позволяют предположить, что интересам США отвечала не столько *хаотическая*, близкая к автоматической, но, скорее, своего рода *ступенчатая* эскалация войны в Европе с относительно длительной фазой неядерного конфликта.

«Использование тактического ядерного оружия могло бы и не привести к решающему результату, но ликвидировало бы табу на применение ядерного оружия, – писал бывший заместитель министра обороны США Йан Лодал. – В какой-то момент одна из сторон стала бы чувствовать, что проигрывает

Научные Записки ПИР-Центра №16

тактическую ядерную войну. Имея в своем распоряжении большой стратегический арсенал, проигрывающая сторона испытывала бы сильное искушение использовать стратегическое оружие в попытке перехватить военную инициативу. [...] Теория гласила, что если Советы будут убеждены в катастрофическом исходе, они никогда не начнут обычную войну. Но, разумеется, если бы они все-таки начали ее, то либо стал бы очевиден блеф НАТО, либо война привела бы к разрушению Европы. [...] И потому США оказывали столь сильное давление на Европу, с тем, чтобы европейские государства усилили свой конвенциональный потенциал и сократили бы опору на тактическое ядерное оружие»¹⁶.

Вместе с тем, субстратегическое ядерное оружие США могло использоваться для сдерживания предполагаемой агрессии путем нейтрализации преимущества противника в конвенциональных силах в том случае, если у этого противника не имелось ядерного оружия или оно было в символических количествах. Такой подход был характерен для американской стратегии на Дальнем Востоке. В частности, видимо главной задачей американских тактических ядерных сил, развернутых в Южной Корее вплоть до их вывода в 1991 году, было сдерживание северокорейской агрессии. Боевой потенциал американского тактического оружия нивелировал превосходство КНДР в обычных вооружениях. Однако возможность эскалации ограниченного ядерного конфликта на Корейском полуострове в тотальную ядерную войну возникала лишь в случае вовлечения в конфликт Советского Союза или Китая, что было маловероятно. Похожие функции возлагались на американские ядерные вооружения, дислоцированные на Тайване в пятидесятых – начале шестидесятых годов¹⁷.

К концу восьмидесятых годов американские вооруженные силы имели, по неофициальным оценкам, около 9–10 тыс. субстратегических ядерных боезарядов. Из них примерно 1300 единиц составляли артиллерийские снаряды калибра 155 мм; среди тактического оружия наземного базирования имелось 850 боеголовок для ракет малой дальности *Lance* и около 900 глубинных бомб В-57. Остальное составляли авиабомбы, боеголовки крылатых ракет и ракет *Pershing-1*, развернутых в Европе¹⁸. К этому времени в США были сняты с вооружения и демонтированы ядерные мины

и боеголовки для зенитных ракет *Nike Hercules*, а также для устаревших ракет наземного базирования *Sergeant* и воздушного базирования *Walleye*.

Советские планы использования субстратегического ядерного оружия в период холодной войны до сих пор держатся в секрете и недоступны исследователям. Причины этого могут заключаться либо в традиционной склонности к засекречиванию всего и вся, унаследованной от советских времен, либо в том, что реальные планы войны с США и НАТО слишком сильно расходились с внешнеполитической риторикой советского руководства, в том числе с обязательством не применять первым ядерное оружие.

Западные гражданские исследователи и военные специалисты пришли к выводу, что до конца семидесятых – начала восьмидесятых годов советские тактические ядерные боеприпасы были размещены только на территории СССР¹⁹. Иными словами, их развертывание на территории стран ОВД велось параллельно (или с некоторым запаздыванием) с развертыванием новых высокоэффективных ракет средней дальности *Пионер* (SS-20 или *Saber*)²⁰.

Это могло иметь несколько объяснений. Первое – состоит в том, что до начала *ракетного* кризиса, порожденного развертыванием SS-20, советское военное планирование ориентировалось на достаточно длительную конвенциональную войну в Европе. В ее ходе тактические ядерные средства могли бы быть переброшены в зону боевых действий для дальнейшего использования, а ядерные задачи в случае необходимости могли бы быть выполнены на первом этапе конфликта стратегическими силами или ракетами средней дальности, развернутыми в западных районах СССР. Второе – тактические и оперативно-тактические средства, прежде всего ударная авиация, могли бы быть развернуты на территории стран ОВД в угрожаемый период, незадолго до начала военных действий. Западные исследователи предполагали, что после отставки в 1964 году Никиты Хрущева, который переоценивал роль ядерного оружия, в советских военных установках произошли некоторые сдвиги.

«Формулирование НАТО концепции гибкого реагирования в 1967 году, – писали

Научные Записки ПИР-Центра №16

американские исследователи Томас Кохран, Уильям Аркин, Роберт Норрис и Джеффри Сэнде, – послужило одной из причин изменения советской военной стратегии – признания возможности ведения боевых действий между сверхдержавами обычными средствами в начальной фазе конфликта. Кроме того, была признана возможность затяжного конфликта с применением только неядерных средств, хотя такое развитие событий считалось нежелательным»²¹.

Если же советское субстратегическое ядерное оружие действительно разворачивалось в Центральной Европе только с конца семидесятых годов, то это, вкупе с развертыванием SS-20, могло означать изменение планов ведения войны с НАТО. Конфликт в этом случае мог бы начаться с массированного упреждающего удара по широкому комплексу военных и военно-экономических целей практически на всем протяжении Европейского континента. Это было отмечено американскими аналитиками, которые утверждали *«СССР предполагает предупредить угрозу применения противником ядерного оружия посредством массированного ядерного удара на всем ТВД (театре военных действий) по воздушным, ядерным, сухопутным силам, по системе связи и управления. Советское Верховное командование проводит учения по управлению нанесением такого удара. Ядерное оружие будет доставлено фронтовой авиацией, артиллерией, ракетами и некоторыми военноморскими силами, а также РВСН и стратегической авиацией»*²².

В известной мере это подтверждают российские исследователи. Российский специалист Александр Шикорад подчеркивает, что к середине восьмидесятых годов советские вооруженные силы располагали *«практически всеми типами тактических ядерных боеприпасов, которые не уступали, а порой и превосходили американские аналоги. СССР был готов к ведению ограниченной ядерной войны, хотя официально об этом не было сказано ни слова»*²³.

Хорошо осведомленный российский ученый и известный политический деятель Алексей Арбатов подтверждает это, указывая, что: *«[...] обязательство СССР [не применять первым ядерное оружие – Авт.] имело сугубо пропагандистский характер и никак не*

*отразилось на оперативных планах Генштаба, боевой подготовке войск и численности, составе и дислокации оперативно-тактических и тактических ядерных сил Советского Союза, которые насчитывали более 20 тысяч единиц. Применение таких сил первыми по-прежнему планировалось»*²⁴.

В советский арсенал субстратегических вооружений входили, по словам Александра Шикорада, фронтовые ракеты *Темп-С* (ОТР-22 или SS-12M или *Scaleboard*) с дальностью 900 км и армейские ракеты P-17 (SS-1с или *Scad B*) дальностью около 300 км, и *Ока*. Дивизии Советской Армии имели на вооружении неуправляемые ракеты *Луна* (FROG-7) дальностью около 65 км и *Точка-У* (SS-21 или *Scarab*) дальностью около 120 км. В советском ВМФ, пишет Александр Шикорад, тактические ядерные боеприпасы получили практически все крылатые ракеты (начиная с П-6 и П-35), торпеды, мины и комплексы противолодочной обороны. Малогабаритные артиллерийские снаряды, по его словам, появились лишь в семидесятых годах – 240-мм мины для самоходного миномета *Тюльпан*, 203-мм снаряды для самоходной пушки *Пион* и 152-мм снаряды для самоходных гаубицы *Акация* и пушки *Гиацинт*. Минимальным габаритом, в который вписывается ядерный боеприпас, пишет он, является 150х500 мм²⁵. Основой советской субстратегической авиации, по западным данным, в восьмидесятые годы стали средний бомбардировщик Ту-22М (*Backfire*) и всепогодный истребитель-бомбардировщик Су-24 (*Fencer*). Первый имеет возможность нести два ядерных боезаряда, в том числе ракеты AS-4 (*Kitchen*), и его радиус действия составляет около 4000 км. Второй – может нести две ядерные бомбы и имеет радиус действия около 1300 км²⁶. Впрочем, по оценкам западных исследователей, практически все боевые самолеты могут теоретически нести ядерное оружие. Имелись также ядерные боеголовки для зенитных ракет.

Можно предположить, что субстратегическое ядерное оружие играло важную роль в планировании военных действий СССР на Дальнем Востоке, прежде всего против Китая. Оно могло рассматриваться как важный фактор сдерживания предполагаемой китайской конвенциональной агрессии, учитывая значительное численное

превосходство китайских сухопутных сил. В этом случае, однако, нельзя не учитывать ядерный потенциал Китая, который к началу семидесятых годов обрел способность нанесения ответного удара по советским объектам на Дальнем Востоке и в Сибири. Предотвратить такой удар можно было, теоретически, нанесением массированного упреждающего удара по китайским ядерным объектам. Иными словами, и в этом случае возможность ограниченного, локализованного применения ТЯО представляется маловероятной.

Иными словами, в период *холодной войны* в СССР и США были созданы мощные арсеналы субстратегических ядерных вооружений. Они рассматривались как оружие, предназначенное для использования в войнах, ограниченных как в географическом отношении, так и по последствиям их применения. Это подтверждается эволюцией тактико-технических характеристик ядерных боеприпасов, предназначенных для таких вооружений – уменьшались их размеры, снижалась мощность, увеличивалась избирательность поражающего действия, повышалась точность средств доставки. Считалось, что менее мощные, менее загрязняющие окружающую среду, но более точные ядерные вооружения более пригодны для практического использования в ограниченных ядерных войнах. Присущая субстратегическим ядерным вооружениям функция компенсации конвенционального превосходства потенциального противника в годы *холодной войны* сохранялась, но применительно к неядерным государствам.

Несмотря на острейший политико-идеологический конфликт между демократической и тоталитарной системами, ограниченные ядерные войны не разразились. Причиной тому явился, скорее всего, страх неконтролируемой эскалации такой войны вплоть до тотального ядерного обмена. Более того, ТЯО не было применено в войнах в Индокитае и Афганистане, несмотря на то, что проигравшей стороной в них были именно ядерные державы. Видимо опасение такой эскалации распространялось не только на *центральный конфликт*, но и на локальные войны, в которые были вовлечены две сверхдержавы.

ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ И КНР В ОБЛАСТИ СУБСТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Окончание биполярной конфронтации заметно меняет роль ядерного оружия в мировой политике. По сути дела, под вопрос поставлена его ключевая функция – сдерживание массированной агрессии потенциального противника. Сегодня и в обозримой перспективе сама возможность такой агрессии, особенно ядерной, минимальна, если вообще существует. В нынешних условиях ядерное оружие рассматривается, прежде всего, как символ и фактор особого, *привилегированного* международного статуса обладающих им государств. В нем также видят гарантию безопасности на случай непредвиденных или маловероятных сегодня, но весьма опасных событий, могущих теоретически произойти в будущем. В западных странах к таким событиям относят, прежде всего, возрождение военно-политической конфронтации с Россией в результате тех или иных поворотов в развитии российской внутриполитической обстановки. В этом случае появится необходимость восстановления политики и стратегии ядерного сдерживания, подобной той, что была характерна для периода *холодной войны*. Серьезное беспокойство вызывает роль Китая в будущей системе международных отношений. Не исключается необходимость противодействия потенциальной китайской экспансии, в том числе на основе ядерного сдерживания Пекина.

Сохраняя в этих целях ядерные арсеналы, ведущие западные государства, тем не менее, на рубеже XX и XXI веков в растущей степени ориентируют свою военную политику на нейтрализацию угроз и опасностей, порождаемых, прежде всего, локальными и региональными конфликтами и нестабильностями. Это, в частности, предполагает существенную, а некоторые эксперты и политические деятели убеждены – глубокую перестройку всей военной машины, в том числе совершенствование конвенциональных вооруженных сил и неядерных систем оружия. В частности, большое значение придается созданию и развитию эффективных сил быстрого реагирования, предназначенных для конвенциональных операций в зонах локальных конфликтов. На первый план

Научные Записки ПИР-Центра №16

выходят не столько ядерные силы, сколько повышение боеготовности; расширение возможностей переброски войск на театры военных действий, в том числе на значительных расстояниях от национальных территорий; внедрение в войска результатов так называемой *информационной революции* и ряд других мер, призванных резко повысить боевую эффективность неядерных вооруженных сил.

В новых стратегических условиях западные ядерные державы, прежде всего США и Великобритания, произвели сокращения ядерных, особенно субстратегических вооружений. Последние стали играть меньшую, чем ранее, роль в военном планировании. Заметное распространение получило убеждение в том, что задачи ядерного сдерживания, в случае серьезных сдвигов к худшему в отношениях между Россией и западными державами или активной экспансии Китая, могут быть эффективно решены стратегическими силами. Тем не менее, субстратегическое ядерное оружие не исчезло из арсеналов США и Франции.

По иному подходят к ядерному оружию в Китае, Индии, Пакистане, возможно в Израиле. В Китае происходит серьезная модернизация ядерных сил, в том числе создание трех новых стратегических ракет, из которых одна – морского базирования, разрабатывается новая ракета средней дальности, разворачиваются два новых субстратегических ракетных комплекса двойного назначения. В Израиле ядерное оружие рассматривается как наиболее надежное средство предотвращения применения против него мусульманскими государствами ОМУ. Для Индии ее ракетно-ядерный арсенал – инструмент сдерживания Китая в случае войны с Пакистаном и, одновременно, средство ликвидации ядерного потенциала Пакистана. В Пакистане же ядерное оружие считается средством сдерживания Индии как от ядерной, так и от обычной агрессии.

США

Особое значение в девяностые годы американское военное и политическое руководство придавало осуществлению так называемой *революции в военном деле*. Под этим имелось в виду массированное внедрение в вооруженные силы последних достижений научно-технической революции. В итоге,

прежде всего должно быть достигнуто *информационное превосходство* путем создания некоей *суперсистемы* (*system of systems*), включающей наземные, воздушные и космические средства сбора информации и разведки, целеуказания и наведения, а также связи и управления войсками, действующие в режиме реального времени и близко к нему. Большое значение придается внедрению технологий *стелт* и применению, в случае необходимости, высокоточных вооружений. Это рассматривается как один из ключевых, если не важнейших, факторов, обеспечивающих военное превосходство над противником. В частности, в доктринальном документе Комитета начальников штабов США «Перспектива 2020» подчеркивалось: «[...] *Продолжающееся развитие и распространение информационных технологий будет кардинально менять способы проведения военных операций. Эти изменения в информационной среде делают превосходство в информационной области решающим фактором оперативных возможностей объединенных вооруженных сил и развития объединенного командования и управления*»²⁷.

Прекращение *холодной войны*, связанные с этим изменения в ключевых военно-политических установках, а также необратимое глубокое сокращение российского ядерного арсенала, вызванное экономическими причинами, привели к снижению роли и значения ядерных сил в военном строительстве и военной политике США. Это, прежде всего, нашло свое выражение в уменьшении их количественного состава. В девяностые годы количество ядерных боезарядов, развернутых на американских стратегических носителях, сократилось примерно в два раза и составляет сегодня около 7000 единиц. В случае выполнения договора СНВ-2, оно должно сократиться еще в два раза, а если будет выработан и реализован договор СНВ-3, о чем была достигнута договоренность между руководителями США и России в конце девяностых годов, то у США будет от 2000 до 2500 стратегических боезарядов. Политическое руководство Соединенных Штатов не исключает и более существенных сокращений стратегического арсенала, хотя это не встретило пока поддержки со стороны военного командования. Это позволило бы России несколько выровнять намечающийся крупный дисбаланс по количеству боевых стратегических ядерных блоков.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 4. Количественный состав американских стратегических ядерных сил

	Холодная война	В случае выполнения договора СНВ-1	В случае выполнения договора СНВ-2
Количество МБР	1000	550	500
Количество БРПЛ	568	432	336
Количество ТБ	324	97*	97*
Всего ядерных боеприпасов	13498	6000**	3500***

Примечания: * – тяжелые бомбардировщики В-52 и В-1В, оснащенные для выполнения ядерных задач;

** – по правилам засчета договора СНВ-1; фактически – около 7300 единиц;

*** – фактически.

Источник: Table 2-3. Strategic Forces. FY 2002 Economic Outlook. Wash., DC., GPO, 2001, p.49.

Задачи американских стратегических ядерных сил сформулированы в директивных документах, одобренных в девяностые годы высшим политическим руководством США. Ядерное оружие, прежде всего стратегические силы, рассматривается как средство сдерживания потенциального противника от применения своих ядерных средств. Ясно просматривается отказ от ориентации на ведение ограниченных ядерных войн. В частности, в Стратегии национальной безопасности для нового столетия, утвержденной высшим политическим руководством страны в октябре 1998 года, говорится: *«Ядерное оружие ограждает от неопределенностей будущего, является гарантией наших союзнических обязательств в области безопасности, а также должно разубедить тех, кто хотел бы разработать или приобрести иным образом свое собственное ядерное оружие. Наше военное планирование возможно применения ядерного оружия нацелено, скорее, на сдерживание ядерной войны, чем на попытку вести и выиграть длительный обмен ядерными ударами. Мы по-прежнему придаем особое значение выживаемости наших ядерных систем и инфраструктуры, необходимой для того, чтобы выдержать опережающий ядерный удар и ответить на превосходящем уровне. Соединенные Штаты должны поддерживать сильную триаду стратегических сил, достаточную для того, чтобы сдерживать руководство любого враждебного государства, имеющее доступ к ядерному оружию, а также убедить в том, что попытки обрести ядерное преимущество над США обречены на провал»*²⁸.

Изменение стратегических установок сказалось не только на величине, но и на структуре оборонных расходов США. Так, в конце прошлого десятилетия на нужды

стратегических сил выделялось примерно семь миллиардов долларов в год (в постоянных ценах 2001 финансового года), что примерно в пять с половиной раз меньше, чем в середине восьмидесятых годов, когда соответствующие расходы (в тех же ценах) превышали в среднем 37 млрд долл. Соответственно, сократилась их доля в расходах министерства обороны США с девяти процентов в разгар холодной войны до двух с половиной процентов в конце девяностых годов²⁹.

Вместе с тем, стратегия, основанная на форсированном внедрении новейших технологий, имеет ряд слабых мест. Потенциальный противник, по мнению американских военных руководителей и экспертов, отнюдь не обязательно будет повторять в своем военном строительстве американский опыт и американские доктринальные установки, то есть реализовывать симметричную стратегию. Скорее, наоборот, будущие и настоящие противники Соединенных Штатов будут нацеливать свое военное строительство на использование этих слабых мест. К последним обычно относят:

- уязвимость информационных систем, в том числе их космического эшелона;
- разного рода террористические операции против американских войск, развернутых на театре военных действий или вблизи него, а также против территории США;
- использование ОМУ, в том числе и, возможно, в первую очередь, не столько ядерного, сколько биологического и химического;
- распространение ракет и ракетных технологий, особенно обретение их государствами-изгоями.

Особое беспокойство в США вызывает распространение ракет и ракетных

Научные Записки ПИР-Центра №16

технологий. В докладе комиссии Рамсфелда, опубликованном в июле 1998 года, говорилось: «Американские вооруженные силы обретают новые системы оружия и новые тактические, оперативные и стратегические концепции, основанные на элементах революции в военном деле. [...] Это заставляет будущих противников искать пути противодействия новым американским возможностям, [...] в особенности разрабатывать новые асимметричные стратегии, которые могут минимизировать способность США использовать свои

вооруженные силы так, чтобы противник не имел возможности прямо противодействовать им. Такие асимметричные стратегии, прежде всего, включают использование баллистических ракет против портов, аэродромов, узлов связи, городских и промышленных центров. Удары по портам и аэродромам, используемым американскими войсками, могут крайне затруднить действия вооруженных сил США, сведя на нет преимущества от использования новейших технологий»³⁰.

Таблица 5. Оценки перспектив создания государствами-изгоями и КНР МБР, способных нанести ядерные удары по территории США

Северная Корея	Может в любое время испытать в качестве МБР ракету <i>Теподон-2</i> , способную доставить на территорию США боеголовку весом до нескольких сот килограммов, что соответствует относительно примитивному ядерному взрывному устройству. Задержка испытаний обусловлена не столько техническими, сколько политическими причинами.
Иран	Используя российские технологии и техническую помощь, может испытать МБР, способную доставить боеголовку весом несколько сот килограмм на большую часть территории США. Относительно наиболее вероятного времени испытания Ираном МБР, воспроизводящей северокорейские технологии, оценки расходятся: от <i>вероятно</i> до 2010 года и <i>весьма вероятно</i> до 2015 года, до <i>маловероятно</i> до 2015 года.
Ирак	Может испытать МБР северокорейского типа, способную доставить боеголовку весом несколько сот килограммов на территорию США в конце первого десятилетия XXI века в случае значительной технической помощи извне. Если такой помощи нет, то эксперты расходятся во мнении – сможет ли Ирак испытать МБР до 2015 года.
Китай	К 2015 году, скорее всего, будет иметь несколько десятков мобильных ракет наземного базирования и баллистических ракет морского базирования, оснащенных многзарядными головными частями, способных нанести удар по территории США.

Источник: Foreign Missile Developments and the Ballistic Missile Threat to the United States Through 2015. National Intelligence Council, September 1999, fas.org/spp/starwars/congress/2000_h/index.html.

В ходе предвыборной кампании 2000 года республиканцы жестко критиковали администрацию Клинтона за снижение жизненного уровня военнослужащих и пренебрежение их интересами; обвиняли в недооценке опасности ракетной угрозы со стороны государств-изгоев и, соответственно, в недостаточном внимании к созданию противоракетной обороны страны; ставили под сомнение практику относительно широкого использования американских войск в миротворческих и гуманитарных операциях за рубежом. После избрания президент Джордж Буш-младший подтвердил стратегический курс США на обеспечение технологического превосходства над любым возможным противником, прежде всего в результате широкого внедрения информационных технологий, систем *стелт* и других современных систем оружия и военной техники. Он вполне определенно высказался в

поддержку сохранения ядерного сдерживания, но при этом заявил, что «Америка должна переосмыслить потребности в ядерном сдерживании [...] Конкретно, наш потенциал сдерживания должен основываться на комбинации наступательных и оборонительных возможностей»³¹.

Обычно эти высказывания интерпретируются как возможность сокращения стратегического ядерного арсенала США, скорее всего, при условии создания и развертывания надежной противоракетной обороны, «защищающей все пятьдесят штатов США, союзников Соединенных Штатов и американские войска за рубежом» как только это станет возможным [технически – Авт.]. Последнее провозглашено одним из императивных направлений военного строительства. В Вашингтоне была создана рабочая группа для разработки предложения президенту по

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 6. Субстратегические ядерные вооружения США

	Количество средств доставки	Дальность средств доставки	Мощность боеприпаса	Количество боеприпасов
КРМБ <i>Tomahawk</i>	325	2500	5–170 кт	320
Авиабомбы B61	-	-	0,3–170 кт	1350

Источник: SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.476.

коррекции ядерной стратегии. В частности, речь, видимо, идет об определении новых количественных параметров американских стратегических сил, в том числе о переходе от потолка в 2500 стратегических ядерных боезарядов к более низкому потолку. Это предполагает существенную коррекцию плана применения стратегических ядерных сил США, прежде всего сокращение списка целей на территории России, которые должны быть поражены американскими ядерными средствами в случае войны.

В контексте описанной эволюции доктринальных положений, в Соединенных Штатах Америки в девяностые годы произошло кардинальное сокращение арсенала субстратегических ядерных вооружений, несколько изменились связанные с ними стратегические установки. Если в разгар *холодной войны* американские вооруженные силы располагали примерно 20 тыс. тактических и субстратегических ядерных боеприпасов, то в начале нынешнего десятилетия их насчитывается, по неофициальным оценкам, около 1670 единиц.

Самым существенным образом сократилась номенклатура американских субстратегических вооружений. В семидесятые годы американские вооруженные силы имели: ядерные мины; артиллерийские снаряды; боеголовки крылатых и баллистических ракет средней дальности наземного и морского базирования, а также тактических ракет классов *земля–земля* и *воздух–земля*; боеголовки зенитных ракет; глубинные бомбы и авиабомбы. В настоящее время их арсенал включает в себя лишь авиабомбы серии B61, в том числе B61-11, обладающие способностью проникать под поверхность земли и разрушать сильно укрепленные подземные сооружения, носителями которых могут быть истребители-бомбардировщики F-15E, F-16 и F-117A, а также боеголовки КРМБ *Tomahawk*³². Последние развернуты не на надводных кораблях, а на ударных подводных лодках. Были закрыты программы создания новых

оперативно-тактических и тактических ракет. Почти в 15 раз сократилось американское ядерное присутствие в Европе – с примерно 7000 единиц ядерного оружия до 150 авиабомб в 2000 году³³. Как уже отмечалось, американское ТЯО в 1991 году было выведено из Южной Кореи. Сокращение номенклатуры и количества американских субстратегических вооружений происходило в соответствии с односторонним политическим заявлением президента США Джорджа Буша-старшего, сделанного в 1991 году одновременно с соответствующим заявлением тогдашнего советского руководства, подтвержденного и дополненного затем президентом Борисом Ельциным.

Причин, вызвавших столь значительные изменения американского арсенала субстратегических вооружений, было несколько. Прежде всего, прекращение военной конфронтации в Европе устранило угрозу крупномасштабной войны между НАТО и Россией, в том числе *ограниченной* ядерной войны. Следовательно, отпала необходимость в предназначенных для нее тысячах субстратегических ядерных боеприпасов. Далее, опыт войны в Ираке подтвердил правильность военного строительства, ориентированного на создание и использование в региональных войнах высокотехнологичных видов конвенционального оружия, способного не менее эффективно, но с намного меньшими потерями решать задачи стратегического уровня. Наконец, некоторые категории тактических ядерных боеприпасов, прежде всего артиллерийские снаряды и мины, были признаны непригодными для использования в боевых действиях, поскольку в ходе весьма динамичных операций они могли поразить не только войска противника, но и свои собственные.

В американских доктринальных документах (как и в документах Североатлантического альянса) субстратегические ядерные силы рассматриваются, главным образом, во вполне традиционном духе – как связующее звено

Научные Записки ПИР-Центра №16

между стратегическими ядерными и конвенциональными силами. Так, в «Обзоре ядерной политики» (Nuclear Posture Review), опубликованном в 1994 году, подчеркивалось, что и после окончания *холодной войны* США должны сохранить субстратегический ядерный потенциал в Европе для того, чтобы подтвердить свои обязательства по обороне Европейского континента. В последние годы в ежегодных докладах министра обороны США президенту и Конгрессу обычно используется следующая формула: *«Как это подтверждено Стратегической концепцией НАТО в апреле 1999 года, ядерные силы театра военных действий, прежде всего авиация двойного назначения, развернутая в США, а также приданная НАТО, являются существенным связующим звеном между стратегическими ядерными силами и конвенциональным потенциалом. Они также предоставляют одну из возможностей ответных акций для сдерживания агрессии. Соединенные Штаты будут и далее сохранять эти вооружения в НАТО, но на уровнях существенно меньших, чем те, что были характерны для периода холодной войны. Ядерное оружие было снято с надводных кораблей, но на подводных лодках размещены КРМБ Tomahawk, предназначенные для удара по наземным целям»*³⁴.

Такого рода установки, по сути дела, воспроизводящие стратегическую логику *холодной войны*, порождены, по-видимому, несколькими группами факторов. Прежде всего, это – следствие непредсказуемости развития мировой военно-политической обстановки. События конца восьмидесятых – начала девяностых годов убедили военно-политическую и интеллектуальную элиты Запада в необходимости учитывать возможность самых неожиданных поворотов на глобальной арене. Среди последних могут быть и угрозы, нейтрализовать которые можно лишь перспективой применения или реальным применением ядерного оружия.

Наличие ядерного оружия у России и Китая рассматривается в США как важная потенциальная угроза. Предполагается, что прекращение *холодной войны* и кардинальные социально-политические перемены в России минимизировали вероятность американо-российского военного столкновения, не говоря уже о ядерной войне. И прежде, и нынешнее руководство США подчеркивают, что Россия не является врагом Соединенных Штатов. Тем не менее, как считают в Вашингтоне, наличие

у России мощного ракетно-ядерного потенциала и, что еще более важно, неопределенность ее будущего обуславливают необходимость сохранения Соединенными Штатами потенциала ядерного сдерживания.

Динамика российских стратегических установок, прежде всего нарастание антизападной, антиамериканской и антинатовской риторики, особенно до того момента, когда президент Владимир Путин поддержал американскую антитеррористическую операцию, а также возрастающее значение ядерного оружия в российской военной политике не может не сказываться на американских подходах к субстратегическому ядерному оружию. При этом в отличие от периода *холодной войны* назначение развернутых в Европе американских субстратегических вооружений состоит не в сдерживании российской конвенциональной агрессии, но в недопущении применения Россией своего ядерного оружия (или угрозы его применения) в случае обострения конфронтации между НАТО и Россией. Это обстоятельство практически не упоминается в официальных документах США, но часто встречается в высказываниях видных военных деятелей. В частности, бывший заместитель министра обороны США Джон Дейч объяснял необходимость сохранения американских ядерных сил в Европе следующим образом: *«Россия, – говорил он в 1994 году, – вряд ли восстановит те обычные вооруженные силы, которые она имела в разгар холодной войны как в результате краха экономики, так и в силу политических изменений. Возвращение к гораздо более агрессивной ядерной политике будет для них менее дорогим. Если в России дело пойдет плохо, то мы столкнемся, прежде всего, с вызовом в ядерной области»*³⁵.

Также предполагается, что американское ядерное присутствие в Европе может *обесценить* способность России использовать свой субстратегический арсенал военно-политического давления на европейские государства. Многовариантность развития мировой военно-политической обстановки, требующая поддержания значительных ядерных сил, порождается также возможностью конфронтации с Китаем. Последний, не исключено, после успешного завершения модернизации экономики и вооруженных сил, может вступить на путь внешней экспансии и бросить вызов США.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Необходимость сохранения американских субстратегических вооружений обосновывается также процессом распространения ОМУ и средств его доставки. При этом есть свидетельства того, что Президентской директивой PDD-60 предусматривалась возможность использования ядерного оружия для сдерживания или предотвращения не только ядерного удара по Соединенным Штатам, но и применения против США химического и биологического оружия со стороны экстремистских режимов в *третьем мире*. «Сегодня, – писал в 2001 году бывший заместитель министра обороны США Йан Лодал, – в центре этих планов [применения ядерного оружия – Авт.] находится сдерживание использования химического и биологического оружия. [...] Имеются свидетельства того, что такая стратегия оказалась успешной: во время войны в Персидском заливе угроза ядерного возмездия заставила Саддама Хусейна отказаться от применения химических или биологических боеголовок на ракетах Scud»³⁶.

Наконец, в некоторых американских аналитических разработках встречается тезис о том, что американское ядерное присутствие в Европе предотвращает обретение ядерного оружия Германией и, в более отдаленной перспективе, Турцией. Подчеркивается, в частности, что германская элита не может полностью надеяться на ядерные гарантии Франции и Великобритании в случае резкого обострения обстановки на континенте.

Охарактеризованная политика США в отношении субстратегических ядерных вооружений встречает серьезную критику со стороны влиятельной части американской политической и интеллектуальной элиты. Суть ее в том, что после окончания *холодной войны* эта категория ядерных вооружений потеряла свое военное значение. В случае обострения обстановки на Европейском континенте угроза применения ядерного оружия против союзников США по НАТО вполне может быть нейтрализована американскими стратегическими силами, а также французским и британским ядерным оружием. В этих условиях США должны были бы скорее добиваться соглашения с Россией, позволяющего запретить ядерное оружие в Центральной Европе. Так, директор Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных

исследований Уильям Поттер писал: «Вывод американского тактического оружия из Европы не ослабит американские гарантии. Наоборот, это усилит сдерживание благодаря тому, что из региона будет удалена провоцирующая категория вооружений, увеличивая тем самым зазор между обычными и ядерными вооружениями»³⁷.

Похожая ситуация складывается и на Дальнем Востоке. Соотношение сил на Корейском полуострове не требует более присутствия там американских тактических ядерных сил. А субстратегическое ядерное оружие не имеет серьезных преимуществ перед стратегическими силами США для сдерживания возможного ядерного удара со стороны КНР или, в перспективе, КНДР по союзникам США³⁸.

Вместе с тем, в США проявилась и иная линия в подходе к субстратегическим вооружениям. Заметная в военно-политическом истеблишменте группа политиков, военных и руководителей ядерно-оружейного комплекса добивается разработки и принятия на вооружение тактических ядерных боеприпасов нового поколения, отличающихся малой мощностью и размещенных на носителях, обладающих высокой точностью. Они требуют отмены принятого в 1994 году закона, запрещающего создание ядерных боеприпасов мощностью менее пяти килотонн, поскольку такие вооружения стирают грань между обычной и ядерной войной. Сторонники создания новых тактических вооружений сверхмалой мощности аргументируют свою позицию тем, что, как подчеркивал в марте 2000 года директор Сандийской лаборатории Пол Робинсон «[...] *Мощность ядерных вооружений, оставшихся со времен холодной войны, слишком велика по сравнению с потребностями сдерживания, типичными для многополярного мира, в котором нарастают процессы распространения*»³⁹.

Иными словами, предлагается использовать такого рода боеприпасы сверхмалой мощности для уничтожения запасов ОМУ в странах *третьего мира* в случае угрозы применения их против США. Имеется и более развернутая версия этой концепции. Указывается иногда, что существующие варианты ядерного оружия слишком мощны для того, чтобы их можно было бы использовать в локальных или региональных войнах в зоне *третьего мира*. И

Научные Записки ПИР-Центра №16

потому необходимо разрабатывать и принимать на вооружение боеприпасы субкилотонной мощности, подходящие для войн нового типа, характерных для эпохи после *холодной войны*. Так, еще в 1991 году специалисты Лос-Аламосского ядерного центра Томас Даулер и Джозеф Хауард писали: *«Будут ли политики использовать ядерное оружие для защиты американских экспедиционных сил, если конвенциональное оружие окажется неадекватным, или же характер нашего ядерного арсенала удержит политиков от его использования. [...] Один из возможных ответов на эти вопросы – создание ядерного оружия очень малой мощности. [...] Существование такого оружия, имеющего эффективную, но не отталкивающую мощность, может содержать тирана, который верит, что американская ориентация на пропорциональное применение силы предотвратит использование против него имеющегося в США оружия»*⁴⁰.

Таким образом, в последнее десятилетие в академическом и военно-политическом сообществах США сформировались фактически две концепции. Первая предполагает, что задачи сдерживания возможной агрессии могут быть эффективно решены стратегическими ядерными силами и, соответственно, субстратегические вооружения являются избыточными. Вторая исходит из необходимости совершенствования последних, прежде всего в направлении снижения мощности, в целях применения их в локальных конфликтах, в том числе для уничтожения имеющихся у государств-изгоев ОМУ и средств их доставки.

НАТО

Объединенные ядерные силы НАТО состоят из приданных Альянсу стратегических сил США и американской авиации двойного назначения, оснащенной ядерными авиабомбами и развернутой в Европе. Ядерные силы Великобритании также могут действовать по планам НАТО, хотя детали их взаимодействия со структурами Альянса остаются секретными.

В период *холодной войны* НАТО развернула крупный арсенал субстратегических ядерных вооружений, включающий в себя ядерные мины, боеголовки ракет воздушного и наземного базирования, в том числе зенитных,

глубинные бомбы, крылатые ракеты и авиабомбы. Сокращение номенклатуры этого арсенала началось еще в восьмидесятые годы. В октябре 1991 года руководство НАТО приняло решение о сокращении субстратегических вооружений, размещенных в Европе, более чем на 80%, что было завершено в 1993 году. Уровень боеготовности самолетов двойного назначения был снижен. Так, если в 1984 году около 5–10% самолетов, несущих ядерное оружие, находилось в постоянной боевой готовности, а остальные могли быть приведены в это состояние в течение часов или дней, то в 1999 году «уровень боевой готовности» примерно половины авиации двойного назначения НАТО составлял недели, а другой половины – месяцы⁴¹. Особое внимание уделяется использованию боевых самолетов двойного назначения в *неядерных целях*. После окончания *холодной войны* Североатлантический альянс официально объявил о том, что приданные ему ядерные силы не нацелены на какие-либо объекты в других странах. Современная политика НАТО в ядерной области не предполагает ни наращивания размещенных в Европе субстратегических ядерных вооружений, ни их размещения на территории новых стран-членов Альянса.

Стратегические установки Североатлантического альянса в области ядерного оружия по ряду важных моментов повторяют формулировки американских доктринальных документов. Так, Грегори Шульте – директор по вопросам ядерного планирования в штаб-квартире НАТО писал: *«Основополагающая роль остающихся у НАТО ядерных сил – политическая: сохранение мира и предотвращение насилия. Помогая осознать бессмысленность крупномасштабной войны в Европе, ядерные силы НАТО тем самым способствуют поддержанию мира и стабильности в Европе. Благодаря им возможная агрессия в Европе становится непредсказуемой и неприемлемой в такой степени, которую вряд ли можно было бы достичь при помощи одних лишь обычных вооружений. Кроме того, ядерные силы НАТО создают атмосферу сильной неуверенности для страны, которая может попытаться добиться политического или военного преимущества за счет использования оружия массового поражения или угрозы его применения»*⁴².

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 7. Динамика номенклатуры ядерных боеприпасов НАТО, развернутых в Европе

Тип ядерных боеприпасов	1971	1981	1987	1991	1999
Мины	+	+			
Боеголовки для зенитных ракет <i>Nike Hercules</i>	+	+	+		
Боеголовки для ракет <i>Honest John</i>	+	+			
Боеголовки для ракет <i>Lance</i>	+	+	+	+	
Боеголовки для ракет <i>Sergeant</i>	+				
Боеголовки для ракет <i>Pershing-1A</i>	+	+	+		
Боеголовки для ракет <i>Pershing-2</i>			+		
Боеголовки для крылатых ракет наземного базирования			+		
155-мм артиллерийские снаряды	+	+	+	+	
8-ми дюймовые артиллерийские снаряды	+	+	+	+	
Боеголовки для ракет воздушного базирования <i>Walleye</i>	+				
Глубинные бомбы	+	+	+	+	
Авиабомбы	+	+	+	+	+

Источник: NATO’s Nuclear Forces in the New Security Environment. NATO Basic Fact Sheets, 27 January 2000, nato.int/docu/facts/nnfnse.htm.

Вместе с тем, в документах НАТО более четко, чем в американских, расставлены акценты относительно роли стратегических и субстратегических вооружений в обеспечении сдерживания потенциальной агрессии извне. Так, в Стратегической концепции Альянса, принятой в 1999 году, подчеркивается, что «наивысшую гарантию безопасности союзников предоставляют стратегические ядерные силы [...]». Ядерные силы, размещенные в Европе, обеспечивают существенное связующее военное и политическое звено между европейскими и американскими союзниками»⁴³.

Великобритания

После окончания холодной войны в ядерной политике Великобритании произошли определенные изменения. Фактически был ликвидирован арсенал субстратегических вооружений. В 1998 году были окончательно сняты с вооружения и демонтированы ядерные авиабомбы WE-177, которыми были оснащены истребители-бомбардировщики *Tornado*. С этого момента единственной английской системой ядерных вооружений являются четыре атомные подводные лодки, оснащенные 48 ракетами D-5 *Trident-2* дальностью свыше 7400 км. В соответствии с официальным Стратегическим оборонным обзором (Strategic Defense Review), опубликованном в 1998 году, в нынешнем быстро меняющемся и трудно предсказуемом мире Великобритания должна иметь «минимальный сдерживающий потенциал». Спецификой ядерной политики страны является то, что ее морские ядерные силы

призваны выполнять как стратегические, так и субстратегические задачи. При этом, под субстратегическими задачами имеется в виду, фактически, нанесение своего рода демонстрационного удара, призванного доказать решимость применить в необходимых масштабах ядерное оружие для предотвращения массированного применения ядерного оружия против Великобритании. Официальное определение министерства обороны описывало субстратегический удар следующим образом: «субстратегический удар будет представлять собой ограниченное и сугубо избирательное применение ядерного оружия на уровне заведомо менее разрушающим, чем стратегический удар, но, тем не менее, достаточно болезненный, чтобы убедить агрессора, который недооценил нашу решимость и атаковал нас, прекратить свои агрессивные действия и ввиду реальной перспективы массированного стратегического удара»⁴⁴.

Франция

В 1996 году французское руководство приняло решение об определенном реформировании ядерных сил в течение последующих пяти лет. Основным компонентом французских ядерных сил остаются, как и ранее, морские стратегические силы в составе четырех подводных лодок, несущих в совокупности 64 БРПЛ, оснащенных 384 ядерными боеголовками. Доля расходов на ядерные вооружения в общих расходах на вооружения упала с 33% в 1988 году до 24% в 1995 году. Наиболее важным элементом этой реформы

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 8. Французское субстратегическое ядерное оружие

Носитель	Количество носителей	Дальность носителей	Ядерный боеприпас	Количество ядерных боезарядов
Mirage 2000N	60	2750 км	ASMP 300 кт	50
Super Étendard	24	650 км	ASMP 300 кт	10

Источник: SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.472.

явилась ликвидация 18 комплексов, оснащенных ракетами S3D дальностью 3500 км, развернутых на плато Д’Альбион. Была отменена программа развертывания тактических ракет *Hadès* дальностью около 480 км, предназначенных для замены выслуживших свой срок тактических ракет *Pluton*. В итоге, в настоящее время французские субстратегические вооружения состоят из авиационных носителей, оснащенных баллистическими ракетами воздушного базирования ASMP (Air-Sol Moyen Portee) дальностью около 300 км, несущих боезаряд мощностью 300 кт.

В ближайшие годы самолеты *Mirage 2000N* наземного базирования и *Super Étendard* морского базирования будут заменены новым многоцелевым истребителем-бомбардировщиком *Rafale*. К 2007 году ракеты ASMP планируется заменить ракетой ASMP-A дальностью 500 км.

Изменения, происшедшие в девяностые годы во французской ядерной политике, во многом связаны с исчезновением *главного объекта сдерживания*, которым являлся бывший СССР. В связи с этим тактические ракеты *Hadès*, которые могли быть использованы лишь в случае приближения советских войск к французским границам, оказались в военном отношении бессмысленными. Видимо, *избыточными*, с точки зрения сдерживания, оказались и баллистические ракеты средней дальности. Те задачи, которые возлагались на них, судя по всему, могут быть решены стратегическими силами, а, именно, баллистическими ракетами подводных лодок, имеющими дальность до 6000 км.

Вместе с тем, основные установки французской ядерной стратегии не претерпели принципиальных изменений. Ядерное оружие, согласно французским взглядам, может быть использовано только при возникновении реальной опасности для жизненных интересов Франции, причем в массированном ответном ударе должна быть уничтожена территория, равная территории Франции. Французская

доктрина предполагает, что морские стратегические силы являются своего рода «минимальным средством сдерживания», тогда как авиационный компонент рассматривается как «оружие последнего предупреждения», своего рода сигнал перед использованием всего имеющегося ядерного стратегического арсенала. При этом, особенностью французской ядерной стратегии является отрицание возможности применения ядерного оружия *поля боя* в конфликтах на театре военных действий⁴⁵. Иными словами, французское субстратегическое оружие предназначено, фактически, для выполнения стратегических задач. В политическом плане ядерное оружие рассматривается французским руководством не только как символ великой державы, но и как фактор обеспечения подлинной независимости страны в области обеспечения национальной безопасности.

Китай

Если в ведущих западных державах роль ядерного оружия, особенно субстратегического, в последнее десятилетие снизилась, то в КНР имеет место, скорее, обратная тенденция – происходит модернизация стратегических вооружений, а также разработка, принятие на вооружение и наращивание новых ракет субстратегической дальности. Сегодня в Китае имеется 10–20 межконтинентальных ракет, однако к 2010 году предполагается развернуть несколько десятков новых ракет межконтинентальной дальности DF-31 и DF-41, оснащенных разделяющимися головными частями, а также четыре–шесть новых атомных подводных лодок, вооруженных ракетами JL2, несущими разделяющиеся головные части⁴⁶.

Кроме того, ведется интенсивная разработка ракетно-ядерного оружия субстратегического назначения. В настоящее время китайские вооруженные силы имеют 108 ядерных баллистических ракет дальностью от 1800 до 4750 км, одна из которых – сравнительно современная мобильная твердотопливная DF-21, начало развертывания которой датируется серединой восьмидесятых годов.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 9. Китайские баллистические ракеты средней дальности

Система	Количество	Дальность, км	Боезаряд
DF-3A	40	2800	Одна ядерная боеголовка 3,3 Мт
DF-4	20	4750	Одна ядерная боеголовка 3,3 Мт
DF-21	48	1800	Одна ядерная боеголовка 200–300 кт; мобильная

Источники: Chinese Nuclear Weapon Programs, Start of 2000. Arms Control Reporter, 2000, IDDS, p.615e5NUC00; Moore Frank W. China Military Capabilities. IDDS, June 2000.

Таблица 10. Китайские баллистические ракеты малой и меньшей дальности

Система	Количество	Дальность	Боезаряд
DF-15	100–300	До 600 км	10 кт нейтронная или 20 кт нормальная ядерная боеголовка
DF-11	40–100	До 300 км	Не известно

Источник: SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.477.

Создан, но пока не развернут, ее модернизированный вариант – DF-21 Mod 2. Встречаются сведения о ракете DF-25 дальностью около 1700 км (хотя, возможно, DF-25 представляет собой иное наименование DF-21Mod2)⁴⁷. Разрабатываются крылатые ракеты дальностью от 1500 до 2500 км, которые, по крайней мере, теоретически, могут нести ядерные боезаряды.

В 1995 году было начато развертывание двух новых типов баллистических ракет: DF-15 (CSS-6 или М-9) и DF-11 (CSS-7 или М-11)⁴⁸. Это – современные твердотопливные ракеты тактической или меньшей дальности, способные нести как обычные, так и ядерные, в том числе имеющиеся у КНР нейтронные боеголовки. Китайские ВВС располагают примерно 160–180 устаревшими бомбардировщиками средней дальности, представляющими собой аналоги советских самолетов пятидесятых годов. Закупаемые у России в значительном количестве самолеты Су-27, по западным данным, имеют возможность наносить удары по наземным целям, но не приспособлены для доставки ядерного оружия⁴⁹.

Официальная китайская политика в области ядерного оружия излагается крайне лапидарно и неясно, имеет, скорее всего, сугубо пропагандистский характер. Так, в Белой книге по вопросам обороны, изданной в 2000 году, говорится: «Китай имеет небольшое количество ядерного оружия исключительно для целей самообороны. [...] Китай сохраняет небольшие, но эффективные ядерные контратакующие силы для сдерживания возможного ядерного удара со стороны других стран. Любой такой удар неизбежно вызовет ответный ядерный контрудар

возмездия со стороны Китая. [...] Масштаб, состав и развитие китайских ядерных сил определяются китайской военной стратегией активной обороны»⁵⁰.

Первоначально китайское субстратегическое ядерное оружие предназначалось для войны против СССР. Об этом свидетельствуют, в частности, проведенные в 1982 году крупные учения китайских войск, во время которых имитировалось применение ТЯО со стороны КНР. В настоящее время предназначение китайского субстратегического арсенала никак официально не обозначено. Вместе с тем, создание и развертывание средств субстратегической дальности, способных нести ядерные, в том числе нейтронные боезаряды, свидетельствует о подготовке к вооруженным конфликтам в прилегающих к границам Китая районах, которые в тех или иных случаях могут принять форму ограниченной ядерной войны. Показательна в этом плане также попытка КНР приобрести у России бомбардировщики средней дальности Ту-22М (*Backfire*), которая, однако, не была поддержана Москвой⁵¹. О подготовке Китая к ограниченным ядерным войнам свидетельствуют, хотя скорее косвенно, чем прямо, высказывания некоторых китайских военных. Так, генерал-майор Ву Хуангу писал: «сдерживание и реальные боевые действия дополняют друг друга и тесно взаимосвязаны между собой. Вообще говоря, военная стратегия всех государств имеет двойственный характер сдерживания и ведения войны. Прежде чем война разразится, страна может путем военного сдерживания попытаться удержать противостоящую сторону от нападения. [...] Но как только военное сдерживание не срабатывает, страна стремится достичь победы путем

Научные Записки ПИР-Центра №16

реальных боевых действий [...] В военном плане, непосредственное значение ядерного оружия состоит в том, что оно может служить как сдерживающим средством, так и оружием, применяемым в реальных боевых действиях»⁵².

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ СУБСТРАТЕГИЧЕСКОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В России пока не выработано цельной и непротиворечивой политики в области ядерного оружия, адекватной как экономическим возможностям страны, так и характеру угроз ее безопасности. Во многом это – следствие противоречий между группировками военной элиты и связанных с ними военно-промышленных, политических и академических кругов, о которых немало писали в российской прессе, особенно в связи со столкновениями бывшего министра обороны маршала Игоря Сергеева и руководства Генерального штаба в 2000 году.

Так называемое *ракетно-ядерное лобби*, по сути дела, провозгласило ядерное сдерживание стратегическими силами единственным средством обеспечения безопасности и, следовательно, сохранение эффективного арсенала стратегических вооружений первостепенным приоритетом военного строительства. Другая группировка в российском военном руководстве требует концентрации ресурсов, прежде всего, на преодолении острого кризиса сил общего назначения, предназначенных, помимо всего прочего, для действий в войнах и конфликтах низкой интенсивности как на российской территории, так и в прилегающих районах южной периферии бывшего СССР.

Противоборство этих точек зрения переплетается с соперничеством различных видов вооруженных сил – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), сухопутных войск, Военно-морского флота и авиации за финансовые и материальные ресурсы, в том числе выделяемые на ядерное оружие. Вместе с тем, в последние годы в российской военной, политической и интеллектуальной элитах все чаще стала встречаться точка зрения, что именно субстратегические ядерные системы скорее, чем стратегические, могут компенсировать

деградацию обычных вооруженных сил, а также неизбежное сокращение самих стратегических вооружений. Реализация этой концепции также требует серьезных затрат на модернизацию соответствующих боеприпасов и средств их доставки. В этих условиях высшее политическое руководство России стоит перед необходимостью ясного определения приоритетов военного строительства, в том числе роли и задач ядерного оружия, включая субстратегическое. Однако до сих пор эта задача не решена. Происходившее в девяностые годы сокращение арсенала этих вооружений не сопровождалось формулированием, по крайней мере в открытых документах, концепции, характеризующей их задачи и принципы применения. Возможно, это свидетельствует о том, что такие задачи и принципы не изменились со времен Советского Союза и *холодной войны*.

Сокращение российского арсенала субстратегических ядерных вооружений в девяностые годы

Сколько-нибудь содержательный анализ роли и значения субстратегического ядерного оружия в обеспечении безопасности России невозможен без оценки его количества и номенклатуры. Никаких открытых официальных данных такого рода нет. Это объясняется либо унаследованной от бывшего СССР инерцией секретности, либо, быть может, серьезным несовпадением между реальным положением дел в этой области и распространенными экспертными оценками, основанными на косвенных данных и расчетах. Такие оценки, несмотря на определенные расхождения между различными источниками, показывают, что в России, как и в США, в девяностые годы шел процесс радикального снижения количества субстратегических вооружений и сокращения их номенклатуры. Наиболее полный анализ количественных данных, характеризующих это сокращение, приведен в ряде работ российского специалиста Алексея Арбатова. На Западе чаще всего обращаются к оценкам российского ядерного потенциала, в том числе субстратегического, принадлежащим Стокгольмскому международному институту исследований мира (СИПРИ). Как следует из приведенных в таблице 11 данных, существуют серьезные расхождения относительно количества тех или иных видов российского субстратегического оружия. Но общая картина в целом совпадает.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 11. Количество ядерных боезарядов российских субстратегических вооружений в начале и конце девяностых годов

	По данным Алексея Арбатова		СИПРИ
	начало девяностых годов	конец девяностых годов	1 января 2001 года
Боеголовки тактических ракет наземного базирования	3000–4000	нет	нет
Артиллерийские снаряды	2000	нет	нет
Ядерные фугасы	700	200 ⁵³	нет
Боеголовки зенитных ракет	3000	600	1200
Боеголовки морских противокорабельных, противолодочных ракет и ракет против наземных целей	3000–5000	2000	660
Авиабомбы и ракеты <i>воздух–земля</i>	3000–7000	1000	1730 (с учетом морской авиации)
Всего	14700–21700	3800	3590

Источники: Арбатов Алексей. Сокращение тактического ядерного оружия: от односторонних шагов к международным обязательствам. В кн.: Арбатов Алексей, Быков Олег, Калядин Александр и др. Разоружение и безопасность. 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. М., Наука, 1997, с.303; Арбатов Алексей. Безопасность: российский выбор. М., Эпицентр, 1999, с.471; SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press., 2001, p.466.

Приведенные в таблице 11 данные в целом совпадают с информацией других западных источников. Они свидетельствуют, что в девяностые годы арсенал субстратегических вооружений в России сократился в четыре с половиной – пять раз. В начале нынешнего десятилетия он, по различным зарубежным данным, составлял в целом от 3500 до 4000 боеприпасов. Имелось примерно 1200 боеголовок для зенитных ракет; около 1500 авиационных боеприпасов различных типов, тогда как остальное приходилось на боезаряды, предназначенные для морских вооружений, в том числе КРМБ, противолодочных систем и т.д.⁵⁴

Причин сокращений российского субстратегического арсенала несколько. Свою роль сыграло политическое решение бывшего президента СССР Михаила Горбачева, который в октябре 1991 года в ответ на инициативу США провозгласил крупные сокращения советских тактических вооружений. Осенью 1991 года, сразу после краха коммунистического режима и провала ГКЧП, консервативно-настроенная часть советского военного командования находилась в состоянии полной растерянности и не могла сопротивляться этому решению. Через три месяца первый президент России Борис Ельцин провозгласил намного более масштабное сокращение соответствующих

вооружений. Но главное все же состояло в том, что исчезновение перспективы крупномасштабной войны в Европе, включающей относительно длительную стадию *ограниченного* ядерного конфликта, сделало бессмысленным сохранение предназначенных для нее вооружений. В этом отношении показательно решение об уничтожении ядерных боеголовок тактических ракет наземного базирования и прекращении их производства.

Не менее важным было сокращение в девяностых годах численности вооруженных сил примерно в три раза. Соответственно, не могли не сокращаться субстратегические ядерные вооружения, количество которых, хотя и не прямо, соотносится с численностью и составом вооруженных сил. Кроме того, как и в США, ядерные артиллерийские снаряды и мины могли оказаться слишком опасными для собственных вооруженных сил, которые в условиях быстро меняющейся боевой обстановки могли легко попасть в зону радиоактивного заражения или под удар со стороны своих же войск.

Сокращение бывшего советского арсенала субстратегического ядерного оружия было сопряжено в 1990–1992 годах с концентрацией его на территории России. Распад ОВД повлек за собой форсированный вывод советского

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 12. Схема сокращения ядерных боезарядов российских субстратегических вооружений

Система	Объем сокращений, %	Срок выполнения, год
Боеприпасы тактических комплексов морского базирования и авиации ВМФ	33	1995
Боеголовки зенитных ракет	50	1996
Авиабомбы фронтовой авиации	50	1996
Ядерные мины	100	1998
Боеголовки тактических ракет наземного базирования	100	2000–2001
Артиллерийские снаряды	100	2000–2001

Источник: Яковлев Владимир. Первые шаги по сокращению ТЯО в России и роль ТЯО при обсуждении вопросов сокращения ядерных вооружений. Неопубликованная рукопись (передана автором для публикации в ПИР-Центр).

ядерного оружия из государств Восточной и Центральной Европы. Этот процесс был завершен в июне 1991 года, когда последний эшелон с тактическими ядерными боеприпасами был отправлен в бывший Советский Союз. Второй этап массовых перемещений ТЯО из бывших советских республик на территорию Российской Федерации имел место в 1990–1992 годах. Нарастание напряженности и конфликтов в ряде районов бывшего СССР, а затем и начавшийся неконтролируемый распад Советского Союза создали предпосылки для хищений и иных злоупотреблений с ядерным оружием, особенно тактическими боеприпасами. Для предотвращения возможного попадания ядерных взрывных устройств в руки экстремистских и преступных элементов, а затем – и для обеспечения ядерной монополии России на постсоветском пространстве было осуществлено перемещение ТЯО в Россию. В 1991 году все такое оружие было вывезено из бывших советских республик Средней Азии и Закавказья. К началу 1992 года ТЯО находилось только на территориях России, Украины и Белоруссии. Определенные трудности возникли в связи с вывозом тактических ядерных боеприпасов из Украины. Правительство последней приняло в марте 1992 года решение о приостановлении транспортировки боеприпасов, ссылаясь на отсутствие убедительной информации об их разукрупнении. Возникший конфликт, типичный для первого этапа отношений России и Украины, удалось разрешить после заключения соглашений, предоставлявших украинскому руководству широкие полномочия по контролю за ликвидацией тактических ядерных боеприпасов. В мае 1992 года процесс вывоза из Украины ТЯО (всего было вывезено около 3000 единиц) был завершен, и с этого времени все ТЯО бывшего

СССР находится только на российской территории⁵⁵.

В дальнейшем процесс сокращения российских тактических боезарядов в основном проходил в соответствии с обязательствами, принятыми в октябре 1991 года Михаилом Горбачевым и дополненными в январе 1992 года президентом Борисом Ельциным.

Несмотря на четырех-, пятикратное сокращение, российский арсенал субстратегических ядерных вооружений превышает совокупные запасы таких вооружений во всех остальных ядерных государствах. Это может означать, что данная категория ядерного оружия играет значительную роль в российской военной политике и военном строительстве. Если это так, то должна быть разработана и официально утверждена цельная система взглядов и установок относительно развития и возможного применения субстратегического оружия в вооруженных конфликтах, отражающая особенности сложившейся военно-политической ситуации. Если же такой концепции нет, то сохранение больших запасов субстратегического ядерного оружия, скорее всего, обусловлено инерцией военного строительства, сохранением его принципов, унаследованных от периода *холодной войны*.

Официальная политика Российской Федерации в области субстратегического ядерного оружия

Официальная политика России в области ядерного оружия изложена в установочных государственных документах. Кроме того, некоторые важные аспекты взглядов и концепций военного руководства, определяющие практические подходы к использованию того или иного типа

Научные Записки ПИР-Центра №16

вооружений, в том числе ядерных, отражаются в сценариях учений вооруженных сил. Наконец, официальная политика государства в военной области реализуется в государственных решениях по ключевым вопросам военного строительства.

Важнейшие директивные документы – Концепция национальной безопасности Российской Федерации и Военная доктрина Российской Федерации, разработанные при участии нынешнего президента России Владимира Путина и утвержденные им в первой половине 2000 года, обрисовывают наиболее общие контуры ядерной политики России, но не дают ответа на многие ее ключевые вопросы, в том числе связанные с субстратегическими вооружениями. Характерной особенностью этих документов является то, что, за одним исключением, в них не рассматриваются отдельно проблемы, относящиеся к стратегическим и субстратегическим ядерным силам. Речь, как правило, идет о ядерном оружии в целом. Это может означать, что официальные формулировки относительно задач и условий применения ядерного оружия относятся в равной степени как к стратегическим, так и не стратегическим силам. Не исключено также, что до сих пор не сформулировано новых концептуальных положений, относящихся к субстратегическим ядерным силам, и скорее всего эти положения сохранились со времен *холодной войны*.

В упомянутых документах воспроизведено несколько основных тезисов, сформулированных в начале девяностых годов. Определен круг государств, против которых Россия обязуется не применять ядерное оружие. Это – неядерные государства-участники Договора о нераспространении ядерного оружия, не связанные союзническими обязательствами с ядерными государствами и не действующие совместно с ними против России или ее союзников. Ядерное оружие рассматривается как средство сдерживания агрессии против России и ее союзников, причем речь идет как о ядерной, так и конвенциональной агрессии. Говорится, что ядерный потенциал России должен быть достаточен для нанесения «заданного ущерба» любому агрессору при любых условиях обстановки. Так, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается: *«Важнейшей задачей Российской Федерации является*

*осуществление сдерживания в интересах предотвращения агрессии любого масштаба, в том числе с использованием ядерного оружия, против России и ее союзников. Российская Федерация должна обладать ядерными силами, способными гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому государству-агрессору или коалиции государств в любых условиях обстановки»*⁵⁶.

Эта формула практически дословно повторена в Военной доктрине. Однако в другом ее разделе, там, где говорится о задачах Вооруженных сил Российской Федерации, акценты расставлены несколько иначе. По сути дела, задача нанесения «заданного ущерба» возлагается на стратегические силы. К основным задачам Вооруженных сил Военная доктрина, в частности, относит: *«поддержание состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях»*⁵⁷.

Иными словами, можно предположить, что на субстратегические ядерные силы России возлагается не нанесение «заданного ущерба» агрессору при любых условиях обстановки, но какие-то другие задачи. Однако они в Военной доктрине и других открытых документах не сформулированы. Вместе с тем, показательным может быть исключение из Концепции национальной безопасности и Военной доктрины, принятых в начале 2000 года, некоторых положений, присутствовавших в предыдущих документах. Так, в Основных положениях Военной доктрины, утвержденных в ноябре 1993 года, содержался исчезнувший впоследствии тезис о том, что *«любое, в том числе ограниченное, применение в войне ядерного оружия даже одной из сторон может спровоцировать массированное применение ядерного оружия и вызовет катастрофические последствия»*⁵⁸.

Устранение этого положения подтверждает оценки тех экспертов, которые полагают, что российским военным мышлением признается сегодня возможность ограниченного применения ядерного оружия, не перерастающего автоматически в тотальную ядерную войну. Неясность, однако, состоит в том, планируется ли ведение такой войны субстратегическими вооружениями или речь

Научные Записки ПИР-Центра №16

идет об ограниченном, даже единичном применении стратегических вооружений.

Официальные российские документы, утвержденные в начале 2000 года, не вносят ясности и в вопрос о «ядерном пороге», об условиях применения ядерного оружия. Вместе с тем, эволюция соответствующих формулировок подтверждает в общем плане точку зрения о растущей ориентации военной элиты страны на ограниченное применение ядерного оружия, в том числе первым. В тексте Основных положений Военной доктрины от 1993 года этот вопрос вообще не затрагивался. Там, как уже отмечалось, содержались лишь так называемые «негативные гарантии» – перечислялись категории государств, против которых Россия обязывалась не применять ядерное оружие. Но уже в Концепции национальной безопасности, утвержденной в 1997 году, появилась первая официальная формула, описывающая условия, в которых Россия может применить ядерное оружие. Там говорилось: *«Россия оставляет за собой право на применение всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, если в результате агрессии возникает угроза самому существованию Российской Федерации как независимого суверенного государства»*⁵⁹.

Несмотря на то, что критерии «существования России как независимого и суверенного государства» не были определены в тексте Концепции национальной безопасности от 1997 года, это положение по своему духу предполагает применение ядерного оружия в сравнительно узком спектре обстоятельств. При этом в данной формуле речь, скорее всего, шла о стратегических вооружениях. Создать угрозу «самому существованию России как независимого государства» может, видимо, перспектива применения против нее стратегических вооружений противника, что требует сдерживания или нанесения упреждающего удара стратегическими же вооружениями. Однако в новой редакции Концепции национальной безопасности, принятой в январе 2000 года, соответствующая формулировка имела иной вид. Она утверждала возможность применения *«всех имеющихся в ее [России – Авт.] распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, в случае необходимости отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными»*⁶⁰.

Эта формула, по сути дела, резко расширяла возможности применения ядерного оружия в случае конфликта. В ней, в частности, не давалось никаких определений того, что имеется в виду под «кризисной ситуацией», не указывалось, что значит ее «разрешение», каковы критерии эффективности или неэффективности мер такого «разрешения» и т.д. Отсутствие таких определений позволяло считать «меры разрешения кризисной ситуации» исчерпанными или неэффективными в любой момент развития вооруженного противоборства. Подобная неясность позволяет предположить, что для разрешения «кризисной ситуации» может быть использовано не только стратегическое, но и субстратегическое ядерное оружие.

Аналогичный вывод может быть сделан и из анализа формулировки условий применения ядерного оружия в Военной доктрине, утвержденной в апреле 2000 года. В ней говорилось: *«Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»*⁶¹.

Эта формула несколько сужает спектр условий, в которых Россия допускает применение ядерного оружия. Она, однако, вызывает несколько вопросов. *Во-первых*, термин «критическая для национальной безопасности ситуация» не получил однозначного определения, а, следовательно, поддается различным интерпретациям. *Во-вторых*, не ясно готова ли Россия использовать свое ядерное оружие только в том случае, если против ее союзника, например, Белоруссии, применено ОМУ или также, если против ее союзника развязана крупномасштабная агрессия с применением обычного оружия? *В-третьих*, не понятно, как должен трактоваться термин «ситуация, критическая для национальной безопасности Российской Федерации», применительно к крупномасштабной агрессии против ее союзника? *В-четвертых*, поскольку к ОМУ относится также химическое и биологическое оружие, приведенная формулировка, если судить по ее тексту, может означать готовность применить ядерное оружие, в том числе в ответ на маломасштабное

Научные Записки ПИР-Центра №16

использование химического оружия в локальном конфликте, в который вовлечен какой-либо из союзников России. Наконец, вызывает недоумение сам факт, что в двух ключевых политических документах, утвержденных примерно в одно и то же время, приводятся различные формулировки, относящиеся к принципиально важному компоненту военной стратегии государства. Вместе с тем, положение этой формулы о применении ядерного оружия в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия воспроизводит логику нестратегического ядерного сдерживания, типичную для периода *холодной войны*.

Данный анализ, однако, основан на особенностях тех или иных формулировок, которые могут отражать существенные элементы в стратегическом мышлении российского военного командования. Но столь же вероятно, что они являются плодом ведомственного компромисса. По сути дела, в этих документах говорилось: Россия готова использовать ядерное оружие первой в вооруженных конфликтах, в которые вовлечена не только она сама, но и ее союзники, а условия, при которых она готова применить свои ядерные вооружения, обозначены весьма неопределенно. Последнее, скорее всего, свидетельствовало о стремлении сохранить свободу рук, в том числе выбор ядерных средств, в случае обострения военно-политической ситуации. Таким образом, косвенно официальные российские документы признают возможность *ограниченной* ядерной войны с применением субстратегических вооружений, хотя прямо об этом нигде не говорится.

Несколько иные выводы могут быть сделаны из анализа военных учений, прежде всего, наиболее крупных из них – *Запад-99*, состоявшихся в июне 1999 года, непосредственно после операции НАТО против режима Милошевича. Насколько можно судить из открытых сообщений, это было учение, в ходе которого отрабатывалось использование ядерного оружия применительно к новой военно-стратегической обстановке. Сценарий этих командно-штабных учений отразил, как можно предположить, многие сформировавшиеся к тому времени установки и взгляды российского военного руководства. Учения *Запад-99* предполагали, что объединенные вооруженные силы НАТО

наносят массированный авиационно-ракетный неядерный удар по территории Белоруссии и Калининградского особого района. Российско-белорусская группировка не в состоянии остановить эскалацию действий противника, имеющего превосходство в обычных вооружениях. В этих условиях российское руководство решает нанести *демонстрационный* ядерный удар по целям в глубоком тылу противника. Эту задачу выполнили бомбардировщики дальней авиации⁶².

Похожий сценарий отрабатывался и в ходе учений, состоявшихся осенью 1998 года. В ответ на наступательную операцию НАТО российские Военно-воздушные силы отвечают авиационными ударами. Однако противник предпринимает усилия по эскалации конфликта. Российские стратегические бомбардировщики отвечают на это ограниченным по масштабам демонстрационным применением «мощных видов оружия». Хотя эти действия не приводят к потерям противостоящей стороны, она вынуждена прекратить военные действия и приступить к переговорам⁶³.

Таким образом, ставшие известными примеры условного применения ядерного оружия в ходе учений, отражающие обычно реальные установки и взгляды военного руководства, представляли собой использование стратегических вооружений для нанесения *демонстрационных* ударов. Последние являются своеобразной формой ограниченной ядерной войны. При этом сообщений о применении в ходе учений российских войск субстратегических вооружений нет. В определенной степени этот подход аналогичен принятой в Великобритании концепции субстратегического удара.

О приоритете, который отдавался стратегическим вооружениям по сравнению со субстратегическими, свидетельствуют также ставшие известными решения высшего российского руководства по ядерным проблемам. За одним исключением, все они были посвящены вопросам стратегических ядерных вооружений. Так, вскоре после назначения в мае 1997 года маршала Игоря Сергеева министром обороны, РВСН поглотили Военно-космические силы (ВКС), отвечавшие за разработку, запуск и эксплуатацию космических аппаратов военного назначения, а также Войска ракетно-

Научные Записки ПИР-Центра №16

космической обороны (ВРКО), в том числе средства системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

На заседании Совета безопасности России, состоявшегося 3 июля 1998 года, обсуждалось состояние и перспективы развития российских стратегических ядерных сил (СЯС). Несмотря на секретный характер принятых решений, отдельные их детали были опубликованы. Так, было решено, что Россия сохранит *ядерную триаду*, хотя основой ее СЯС должны стать баллистические ракеты наземного и морского базирования, причем доля боезарядов морских стратегических ядерных сил (МСЯС) должна возрасти с 30 до 50%. Далее предполагалось сократить номенклатуру ракетного вооружения и, одновременно, максимально продлить сроки эксплуатации имеющихся ракетных комплексов. Количество боезарядов СЯС к 2010 году должно соответствовать достигнутому в Хельсинки договоренностям, предусматривавшим снижение их предельных уровней до 2000–2500 единиц в результате заключения договора СНВ-3. И, наконец, было принято решение о разработке Московским институтом теплотехники унифицированной ракеты, предназначенной для оснащения как наземных, так и морских стратегических ядерных сил⁶⁴.

Позже в прессе появились сообщения об указе президента России от 10 ноября 1998 года, которым определялись перспективы и приоритеты развития российских СЯС. Как сообщил бывший Главнокомандующий РВСН генерал Владимир Яковлев, к этим приоритетам относились максимальное продление сроков эксплуатации ракетных вооружений и ввод в боевой состав новых ракетных комплексов наземного базирования *Тополь-М*⁶⁵. Весной 1999 года тогдашний первый заместитель секретаря Совета безопасности РФ Вячеслав Михайлов сообщил, что президент Ельцин утвердил «Основные направления политики РФ в области ядерного оружия». В этом документе, в частности, ядерные силы определялись как «гарант национальной безопасности и средство сдерживания агрессии против России и ее союзников»⁶⁶. Наконец, 29 апреля 1999 года прошло еще одно заседание Совета безопасности РФ, посвященное ядерному оружию. По попавшим в прессу сведениям, один из подписанных после него документов определял программу развития ТЯО. Другие – были посвящены совершенствованию

экспериментально-испытательной базы ядерно-оружейного комплекса, а также созданию российских сверхмощных ЭВМ, позволяющих решать задачи повышения надежности российского ядерного арсенала⁶⁷.

В целом, комплекс решений, принятых в России в 1998–1999 годах на высшем уровне, отражал интересы СЯС и их руководства. Последнее, в частности, добивалось продления сроков эксплуатации ракетных вооружений и настаивало на приоритетной реализации программы развертывания МБР *Тополь-М*. Ориентация на уровень стратегических боеголовок в 2000–2500 единиц к концу первого десятилетия XXI века означала массированное производство новых вооружений, заменяющих стратегические ракетные комплексы, выходящие из боевого состава в результате истечения срока эксплуатации. С повестки дня был снят вопрос о переходе от стратегической триады к стратегической диаде. Перспектива этого вызвала напряженность в российской военной элите, поскольку, по своей логике, предполагала сокращение либо воздушной, либо, что менее вероятно, морской компоненты СЯС. Сохранение стратегической триады, скорее всего, стало результатом бюрократического компромисса в военно-политическом и военно-промышленном руководстве страны. Оно, однако, означало неизбежное распыление ограниченных ресурсов, что вряд ли могло соответствовать интересам РВСН.

Кроме того, по мнению ряда информированных наблюдателей, решения Совета безопасности РФ от 29 апреля 1999 года означали не только существенное повышение роли ядерного оружия в военной политике России, но и линии на ограниченное применение стратегического ядерного оружия в вооруженных конфликтах, в том числе локальных, в рамках некоего «расширенного ядерного сдерживания». Суть его бывший Главнокомандующий РВСН Владимир Яковлев определил следующим образом: «[...] *Расширенное ядерное сдерживание [...] означает включение в сферу интересов РВСН и стратегических ядерных сил в целом не только ядерных и широкомасштабных обычных войн, но и региональных, и даже локальных конфликтов*»⁶⁸.

Такого рода идеи, как писала российская пресса, выдвигались также одним из

Научные Записки ПИР-Центра №16

руководителей министерства по атомной энергии Виктором Михайловым, который стремился изменить представление о ядерном оружии только как ОМУ. В частности, комментируя решения Совета безопасности от 29 апреля 1999 года, российский публицист Павел Фельгенгауер писал: *«Их логика проста: ядерное оружие вновь станет действенным инструментом политики, если сделать угрозу ядерных ударов более реальной. Для этого надо иметь возможность наносить точечные ядерные удары малой мощности по военным объектам в любой точке земного шара. При этом предполагается, что подобный точечный удар не приведет к немедленной ядерной войне»*⁶⁹.

Отражаясь в практической деятельности министерства обороны России, эта система взглядов имеет несколько важных практических следствий. Она предопределила существенный перекос в военном строительстве в пользу стратегических ядерных сил, что усугубило и без того острый кризис российских сил общего назначения. При этом не была внесена ясность в отношении субстратегических ядерных средств. По-видимому, единственным относительно ясным пунктом официальной российской позиции по субстратегическим ядерным вооружениям было упоминание их в контексте *контрмер*, которые могут быть предприняты в ответ на выход США из договора по ПРО. Так, говорилось, что среди этих *контрмер* могут оказаться отказ от обязательств по односторонним инициативам в области тактического оружия 1991–1992 годов, а также выход договора по РСМД⁷⁰ или его пересмотр.

Дискуссия в России относительно субстратегического ядерного оружия

Российские военные специалисты и гражданские эксперты в подавляющем своем большинстве согласны с тем, что обычные Вооруженные силы России в настоящее время и в обозримом будущем не в состоянии обеспечить надежную оборону страны, а потому роль ядерного оружия существенно возрастает. Такое видение проблемы сформировалось, примерно, в середине прошлого десятилетия, тогда, когда в первой половине девяностых годов приоритет, судя по всему, уделялся реформированию и повышению боеспособности конвенциональных войск, особенно созданию мобильных сил, предназначенных для

локальных войн и конфликтов. Такой подход в целом совпадал с представлениями о развитии и задачах вооруженных сил, распространенными в ведущих западных странах. Так, в начале 1994 года тогдашний первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин заявил, что на заседании Совета безопасности России в январе 1994 года «были одобрены основные направления и приоритеты долгосрочной программы вооружения Российской армии. Среди наиболее вероятных видов вооруженных конфликтов – конфликты малой интенсивности и локальные войны, в которых будут участвовать отнюдь не массовые армии. Это нашло отражение и в положениях военной доктрины РФ. Очевидно, такая оценка относится и к новому виду операций – по борьбе с терроризмом. [...] В первоочередном порядке будут переоснащаться части мобильных сил, предназначенные для немедленного быстрого развертывания»⁷¹.

Однако уже через два года в высказываниях Кокошина, отражавших, судя по всему, доминирующие в военной элите настроения, появились новые обертоны. Ядерная мощь, особенно стратегические силы, подчеркивал он, играет немаловажную роль в определении статуса России на международной арене. Кроме того, он достаточно ясно сформулировал тезис о том, что весь комплекс ядерных сил, в том числе субстратегических может компенсировать слабость обычных вооруженных сил. Он заявил в середине 1996 года, что *«важным компонентом сил ядерного сдерживания являются не только стратегические ядерные силы, но и оперативно-тактическое и тактическое ядерное оружие и средства их доставки. В современных условиях, когда нет возможностей строить достаточно мощные силы общего назначения на всех направлениях, ядерный щит играет даже несколько более важную роль среди военных средств, обеспечивающих предотвращение агрессии»*⁷².

Обычно возрастание роли ядерного оружия в российской военной политике объясняют деградацией сил общего назначения. Последнее само по себе не вызывает сомнений. Но такая деградация не может объяснить направленности ядерной политики России: в качестве потенциального противника, угрозу со стороны которого можно нейтрализовать лишь путем ядерного

Научные Записки ПИР-Центра №16

сдерживания, обычно называются НАТО и США, но не упоминается Китай. Так, бывший начальник Управления военного строительства аппарата Совета безопасности России генерал Виктор Есин прямо заявил: *«В крупномасштабной войне Россия уже никогда, а об этом говорит научно обоснованный прогноз, как бы она экономически не поднялась, не будет способна обычными средствами вооружения противостоять, положим, такой организации, как НАТО. Впрочем, как не сможет и отразить агрессию с массированным использованием обычных вооружений со стороны этого блока. Именно отсюда и вытекает тот жесткий акцент на применение ядерного оружия в целях обеспечения безопасности России от внешних угроз»*⁷³.

Антизападная направленность российского стратегического мышления нашла свое отражение и в официальных документах. Так, в Концепции национальной безопасности от 10 января 2000 года к числу угроз безопасности России в международной сфере были отнесены «укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток», «возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов». Далее, там говорилось, что «возведенный в ранг стратегической доктрины переход НАТО к практике силовых (военных) действий вне зоны ответственности блока и без санкции Совета Безопасности ООН чреват угрозой дестабилизации всей стратегической обстановки в мире». В Военной доктрине к основным угрозам военной безопасности России было отнесено, в частности, «создание (наращивание) группировок войск и сил, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также в прилегающих к их территориям морям»⁷⁴. Единственным источником такого рода угроз могут быть только действия ведущих западных государств и Североатлантического альянса в целом. Таким образом, новый тур конфронтации с Западом, видимо, представляется значительной части российского руководства если не неизбежным, то весьма вероятным вариантом развития событий. По крайней мере, такой вывод напрашивается из анализа документов, утвержденных в первой половине 2000 года. С

одной стороны, это – проявление интеллектуального и психологического наследия длительного советского периода. Но, с другой стороны, – отвечает интересам слоев и групп, существование которых связано с огромным ракетно-ядерным комплексом, созданным в бывшем СССР в период холодной войны. Ситуация, возможно, стала несколько меняться во второй половине 2001 года, особенно после того, как президент Владимир Путин поддержал антитеррористическую операцию США в Афганистане.

Большая, если не подавляющая часть российского экспертного сообщества, разделяя, по сути дела, подобные антизападные установки, расходится, однако, во мнениях относительно роли субстратегического ядерного оружия в обеспечении сдерживания потенциальной угрозы с Запада, назначения, условий и принципов его применения. В самом общем плане можно выделить две основные точки зрения по этим вопросам, которые сформировались в академических и политических кругах.

Первая из них исходит из того, что субстратегические ядерные вооружения, в общем и целом, потеряли свое значение после того, как исчезла перспектива крупномасштабного столкновения вооруженных сил противостоящих блоков в Центральной Европе и, соответственно, возможность длительной ограниченной ядерной войны без применения стратегических вооружений. В этих условиях задача сдерживания должна решаться стратегическими силами. Лишь последние могут предотвратить возникновение конфликта или обеспечить его деэскалацию в случае возникновения вооруженных действий. Субстратегические вооружения могут рассматриваться как некое, возможно незначительное, дополнение к стратегическим ядерным силам. Так, директор Института США и Канады РАН Сергей Рогов писал, что *«тактическое ядерное оружие может рассматриваться в случае войны с превосходящим по силам противником, также обладающим ядерным оружием, лишь как своего рода средство демонстрации готовности к ядерной эскалации в случае продолжения агрессии. Само по себе тактическое ядерное оружие не может решить исход войны между ядерными державами или коалициями»*⁷⁵.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Естественным следствием такого подхода является, в частности, ориентация на поиск некоего нового равновесия стратегических ядерных сил с Соединенными Штатами, в том числе, возможно, введения в *стратегическое уравнение* тех или иных оборонительных систем. Установление нового паритета рассматривается, как правило, сторонниками этой точки зрения как магистральный путь сохранения стратегической стабильности, трактуемой в весьма традиционном духе, как сохранение ситуации «взаимного ядерного сдерживания».

Другая точка зрения придает субстратегическому ядерному оружию самостоятельную роль в сдерживании возможной крупномасштабной агрессии против России. Предполагается, что наиболее опасная угроза безопасности страны исходит от возможных действий НАТО в той или иной форме повторяющих операцию Североатлантического альянса против режима Милошевича или начальную стадию войны против Ирака в 1991 году. Выражая эту точку зрения, Алексей Арбатов писал: «[...] Главная стратегическая задача РФ состоит в том, чтобы исключить возможность для НАТО ведения безнаказанной кампании избирательных ракетно-бомбовых ударов сколько-нибудь длительное время. [...] Со стороны России стал бы оправданным избирательный ядерный удар с использованием ТЯО по объектам, с которых совершается агрессия [...] Тогда уже перед другой стороной встанет ужасная дилемма: прекратить агрессию и признать свое поражение или ответить ядерным ударом, за которым последует эскалация вплоть до стратегического обмена с катастрофическими последствиями для всех. За неимением ничего лучшего, именно это представляется на обозримое время доступной для России стратегией по стоимости и достаточно кредитоспособной концепцией расширенного ядерного сдерживания»⁷⁶.

По мнению Алексея Арбатова, для выполнения этой миссии России достаточно иметь несколько сотен тактических боеприпасов на авиационных, ракетных (в том числе на ракетах типа *Искандер*) и морских носителях⁷⁷. Принципиальное отличие этой концепции от первой состоит в том, что признается возможность ведения ограниченной ядерной войны

субстратегическими средствами и, фактически, достижения победы с помощью достаточно массированного применения таких средств. Предполагается, что НАТО смирится с большими, но, видимо, приемлемыми потерями и не пойдет на эскалацию ядерного обмена, чреватую необратимой катастрофой. Реализация этой стратегии может вовлечь Россию в крайне рискованную ситуацию. Возникает, например, вопрос – что будет, если НАТО решит упредить *избирательное* применение Россией ТЯО?

В ряде работ российских военных специалистов схема ограниченной ядерной войны и аргументы в ее пользу излагаются более подробно. Так, два военных эксперта полковники Владимир Сиволоб и Михаил Сосновский разработали своеобразный алгоритм применения субстратегического ядерного оружия. Они не без оснований полагают, что применение стратегического оружия для демонстрационных ударов повышает риск нанесения противником полномасштабного стратегического ядерного удара, тем более что решение будет приниматься им в условиях жесточайшего дефицита времени, и исходят из того, что «[...] в современных условиях для нашей обороны объективно возрастает значение нестратегических ядерных сил. Они являются мощным дополнительным фактором сдерживания от развязывания войн против России и ее союзников. Такое положение будет сохраняться по крайней мере до 2010–2015 годов, поскольку из-за экономических трудностей наши Вооруженные силы вряд ли до указанного срока будут в достаточной степени оснащены высокоточными обычными средствами поражения, которые могли бы стать альтернативой нестратегическому ядерному оружию»⁷⁸.

Разработанная ими схема эскалации ограниченной ядерной войны включает в себя три ступени применения субстратегического ядерного оружия: *демонстрация, устрашение, возмездие*:

- *демонстрация* означает предупреждение о готовности к полномасштабному применению ядерного оружия на театре военных действий путем нанесения выборочных одиночных ударов с *нелетальными* последствиями. Это может включать в себя разрушение горных перевалов, транспортных узлов и инженерных сооружений на

Научные Записки ПИР-Центра №16

коммуникациях, снижение проходимости местности, выполнение других задач по блокированию и поражению отдельных объектов, а также нарушение управления войсками;

- *устрашение* нацелено на удержание противника от дальнейшей эскалации военных действий. Оно предполагает нанесение ограниченных по масштабу ядерных ударов на отдельных направлениях, принуждающих противника к деэскалации (прекращению) агрессии. *Устрашение* включает в себя дезорганизацию управления в группировке войск (сил) вторжения, завоевание превосходства в воздухе, снижение потенциала ядерных сил театра войны, изменение общего соотношения сил в свою пользу, поражение резервов, срыв снабжения группировки войск (сил) противника материальными ресурсами и так далее;
- *возмездие* означает полномасштабное применение нестратегических ядерных средств на театре военных действий для лишения противника победы путем уничтожения его основных группировок войск (сил) и объектов. Оно предполагает нанесение неприемлемого ущерба, срыв управления группировкой вторжения и вооруженных сил агрессора и его союзников, удержание (завоевание) огневого и ядерного превосходства, разгром ударных группировок войск (сил) агрессора, срыв формирования и выдвижения оперативно-стратегических резервов в район военных действий, а также поражение объектов промышленности и энергетики⁷⁹.

Наиболее радикальные сторонники усиления роли субстратегического ядерного оружия в российской военной политике и стратегии предлагают даже отказаться от договора по РСМД, а также вновь оснастить войска тактическими ракетами с ядерными боезарядами. Так, в 1999 году руководитель департамента проектирования и испытаний ядерных боеприпасов министерства РФ по атомной энергии Николай Волошин заявил, отвечая на вопрос: «не придется ли возрождать *Темпы* и *Пионеры*, что «создатели этих систем еще трудятся» и подчеркнул, что «подписание в 1987 году Договора между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности обернулось для России снижением уровня безопасности. Пока наши

войска стояли в Германии и границы НАТО были относительно далеко, с взаимной ликвидацией этого класса ракет можно было соглашаться. Тогда считалось, что у нас есть возможность контрудара, есть для этого форпосты. С распадом СССР время полета тактического оружия к нашим границам сократилось. Роль стратегического и тактического оружия у нас и у США стала совершенно разной. Сегодня тактическое оружие, нацеленное против нас, играет стратегическую роль, потому что находится относительно близко от наших границ. [...] Но ситуация может измениться, и американцам, возможно, тоже будет о чем пожалеть»⁸⁰.

Таким образом, контрапунктом идущей в России дискуссии относительно роли субстратегического ядерного оружия является вопрос о возможности и перспективах ограниченной ядерной войны на западном театре военных действий. Применение таких вооружений рассматривается либо как ступень в эскалации конфликта до уровня стратегического обмена, либо как инструмент срыва агрессии, прежде всего, массированных ракетно-бомбовых ударов. Явно или неявно предполагается, что потенциальный противник не пойдет на риск эскалации, грозящей ему полным уничтожением.

Нельзя, однако, не упомянуть и о принципиально ином подходе, также получившем в российской элите известное распространение. Он исходит из того, что абсолютизация ядерного оружия, по сути дела, контрпродуктивна, с точки зрения обеспечения безопасности России, в том числе, поскольку отвлекает ограниченные ресурсы от решения намного более актуальных проблем. Это вызывает критику, типичным образцом которой может быть публикация в ведущем российском еженедельнике: «[...] Хотя в течение последних десяти лет, – писал журнал Коммерсант-Власть, – Россия всеми средствами доказывала свое миролюбие, военная стратегия принципиальных изменений не претерпела. По-прежнему главной задачей вооруженных сил оставалось отражение крупномасштабной агрессии за счет применения ядерного оружия и нанесения противнику катастрофического ущерба. Впрочем, на самом деле в возможность крупномасштабной агрессии никто, включая самих генералов, и не верил. Считалось, что

Научные Записки ПИР-Центра №16

напасть на прикрытую ядерным зонтиком Россию никто никогда не решился бы. [...] Сосредоточиться на ядерном оружии Россия не сможет. Основную угрозу для безопасности страны сегодня все же представляют чеченские боевики и исламские фундаменталисты, а вовсе не НАТО с его новыми членами»⁸¹.

Такой взгляд на угрозы безопасности России коррелирует, возможно, с позицией президента Владимира Путина. Выступая в апреле 2000 года в Государственной Думе в связи с ратификацией ею договора СНВ-2, он отметил, что СЯС, безусловно, являются «гарантом национальной безопасности». Вместе с тем, он прямо заявил: «[...] Основные угрозы России, с учетом той ситуации, которая сложилась в мире, сегодня будут, конечно, в локальных конфликтах. Россию будут разваливать не с помощью ядерного оружия или угрозы ядерного оружия. Попытки развала России мы с Вами наблюдаем сейчас – они лежат в локальных конфликтах»⁸².

И все же в российском военном, военно-экономическом и, частично, академическом сообществах доминирует мысль о том, что ядерное оружие либо только стратегическое, либо стратегическое и субстратегическое совместно – единственно способное обеспечить безопасность страны в современных условиях, что оно компенсирует слабость российских конвенциональных сил, сдерживает потенциального агрессора.

Как уже отмечалось, выполнить функцию компенсации превосходства потенциального противника в обычных вооружениях ядерное оружие может, но лишь в том случае, если этот противник сам не обладает ядерным оружием. Угрожая же применением ядерного оружия, в том числе субстратегического, против противника, имеющего аналогичные вооружения, нельзя не принимать во внимание его реакцию на такую угрозу. А объект потенциального удара ядерным оружием ни в коем случае не будет пассивно ожидать, пока Россия нанесет демонстрационный или любой иной ядерный удар. Это, в свою очередь, порождает перспективу ограниченной ядерной войны с возможной ее эскалацией, последствия которой для России, скорее всего, будут катастрофическими. Весьма опасными являются предложения по выходу из договора по РСМД или отказа от односторонних

обязательств по тактическому оружию 1991–1992 годов. В результате этого, может повториться ракетный кризис семидесятых–восемидесятых годов, последствия которого для России будут существенно более значимыми, чем для СССР.

УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И СУБСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Идущая в стране дискуссия высвечивает несколько важных проблем. Действительно, Россия вряд ли способна сегодня и в обозримом будущем успешно вести крупномасштабную войну в Европе или на Дальнем Востоке без применения ядерного оружия, будь то стратегическое или субстратегическое. Реальна ли перспектива такой войны, или она относится к области политической фантастики? Этот вопрос, в свою очередь, сопряжен с более общей проблемой – каковы особенности и перспективы развития военно-стратегической ситуации в соседних с Россией регионах и в какой мере там формируются угрозы, нейтрализовать которые можно только или преимущественно путем ядерного сдерживания.

События конца восьмидесятых – начала девяностых годов принципиально изменили стратегическое положение России. Ушла в прошлое наиболее острая и опасная угроза безопасности, порождаемая острейшей политической и идеологической конфронтацией Востока и Запада. В результате распада Советского Союза вдоль российских границ в Европе и Центральной Азии сформировался своего рода пояс безопасности. Он отделяет Россию как от нестабильных регионов мусульманского мира, в том числе на территории Таджикистана, южного Киргизстана и восточного Узбекистана, так и от вооруженных сил стран-членов НАТО. Входящие в этот пояс государства уступают или несопоставимы с Россией по военной мощи, заинтересованы в стабильных отношениях с ней. Единый театр военных действий, охватывающий Европейский континент с прилегающими морскими просторами, распался на несколько зон, в каждой из которых сложилась своя стратегическая ситуация. К ним относятся:

- западная, протянувшаяся от российско-норвежской границы до Калининграда и Белоруссии;

Научные Записки ПИР-Центра №16

- *юго-западная*, охватывающая Украину, Молдавию и часть Черноморского бассейна;
- *кавказская*, включающая в себя Северный и Южный Кавказ.

Наряду с этими стратегическими регионами, рядом с Россией возникла *центрально-азиатская* зона, а также сохраняется *дальневосточная*.

Западная зона

В западной зоне военно-стратегическая обстановка определяется прежде всего взаимодействием России и Североатлантического альянса. Расширение последнего приводит к своеобразному размыванию нейтрального *пояса безопасности*, разделяющего Россию и НАТО. Следовательно, возрастает опасность вовлечения российских войск и вооруженных сил стран-членов Альянса в локальный конфликт, если последний возникнет в районе «между Россией и НАТО». Но наибольшую тревогу в российской элите вызывает перспектива того, что после приема новых членов Альянс обретет или упрочит решающее военное превосходство над Россией, а крупные контингенты вооруженных сил НАТО, как часто думают в Москве, будут размещены вблизи российских границ. Существенно увеличится, считают многие, зона на территории России, в пределах которой авиация НАТО, в том числе несущая ядерное оружие, может уничтожить важнейшие российские военные и гражданские объекты. Эти соображения являются, по сути дела, главными аргументами в пользу ориентации на ядерное сдерживание Запада стратегическими или субстратегическими средствами. Они требуют внимательного анализа.

Государства-члены НАТО в совокупности действительно имеют значительное превосходство над Россией на Европейском континенте. Расширение НАТО, естественно, усиливает ее интегральный военный потенциал. Если ориентироваться на потолки, предусмотренные адаптированным Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), то соотношение военных сил составляет в пользу НАТО примерно два к одному по авиации, и три–три с половиной к одному по личному составу и тяжелым вооружениям сухопутных войск.

Однако такие упрощенные калькуляции принципиально искажают реальное положение дел. Сопоставление находящихся в Европе вооруженных сил всех государств-членов НАТО и России имело бы реальный смысл только, если все находящиеся в Европе войска всех государств-членов НАТО в случае конфликта могли бы быть переброшены к российским границам и участвовать в боевых действиях. Подобный сценарий реализован быть не может, а основанные на нем расчеты служат, главным образом, пропагандистским целям. Более реальным является сопоставление вооруженных сил России и государств-членов НАТО, географически относительно близких к ней, – Германии, Польши, Венгрии, Чехии и Турции. После подписания в ноябре 1999 года адаптированного ДОВСЕ, соотношение ограничиваемых Договором тяжелых вооружений сухопутных войск между Россией (европейская зона) и НАТО в географически близких к России регионах выглядит следующим образом.

В процессе адаптации ДОВСЕ Соединенные Штаты Америки существенно сократили свою квоту по вооружениям сухопутных войск на Европейском континенте. Если по изначальному варианту ДОВСЕ США имели право разместить в Европе до 4004 танков, 5152 боевых бронированных машин (ББМ) и 2742 единиц артиллерии, то после изменения этого договора в соответствии с нынешними военно-политическими реальностями американская квота сократилась примерно на 2200 танков, 2000 ББМ и 1200 артиллерийских установок. Кроме того, для России имеет серьезное значение то обстоятельство, что новые государства-члены НАТО – Польша, Чехия и Венгрия – обязались сократить в общей сумме 338 танков и 396 артиллерийских установок по сравнению с реальным уровнем конца девяностых годов. Но главное в том, что территориальные предельные и национальные предельные уровни для вооружений этих государств равны между собой, и они взяли на себя обязательство не пересматривать территориальные предельные уровни в сторону повышения. Это означает на практике, что иностранные войска и вооружения могут быть размещены на их территориях лишь на основе временного превышения уровней.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 13. Уровни ограничиваемых ДОВСЕ вооружений для России (Европейская зона) стран НАТО, находящихся в географической близости от России*

	Россия	НАТО*	НАТО*/Россия
Танки			
Предел по неадаптированному ДОВСЕ	6400	14392	2,2
Имеется на конец 1999 года	5613	9916	1,8
Национальные предельные уровни	6350	11133	1,7
Территориальные предельные уровни	6350	10581	1,6
Боевые бронированные машины			
Предел по неадаптированному ДОВСЕ	11480	16770	1,5
Имеется на конец 1999 года	10492	10687	1,0
Национальные предельные уровни	11280	14030	1,2
Территориальные предельные уровни	11280	14484	1,3
Артиллерия			
Предел по неадаптированному ДОВСЕ	6415	11927	1,9
Имеется на конец 1999 года	6404	8598	1,3
Национальные предельные уровни	6315	10108	1,6
Территориальные предельные уровни	6315	9707	1,5
Ударные вертолеты			
Предел по неадаптированному ДОВСЕ	875	1128	1,3
Имеется на конец 1999 года	761	563	0,7
Национальные предельные уровни	855	1075	1,2
Боевые самолеты			
Предел по неадаптированному ДОВСЕ	3431	3304	1,0
Имеется на конец 1999 года	3057	1651	0,54
Национальные предельные уровни	3416	3169	0,9

Примечание: * – Чехия, Польша, Венгрия, Германия, войска США в Европе, Турция.
Источники: Protocol on national ceilings for conventional armaments and equipment limited by the Treaty on conventional armed forces in Europe; Protocol on territorial ceilings for conventional armaments and equipment limited by the Treaty on conventional armed forces in Europe.

Аналогичные обязательства взяли на себя Украина и Белоруссия. Молдавия обязалась не размещать на своей территории иностранные войска даже на временной основе. В совокупности эти меры существенно стабилизируют военно-политическую обстановку в Центральной и Восточной Европе. При этом и Россия не сможет размещать на постоянной основе свои сухопутные войска и военно-воздушные силы на территории Белоруссии, должна будет окончательно вывести войска из Приднестровского региона Молдавии до конца 2001 года. Это, хотя и ограничивает свободу действий России, но вместе с тем предотвращает возникновение относительно протяженной линии прямого соприкосновения войск России и государства-члена НАТО. Кроме того, Россия взяла на себя политическое обязательство «о сдержанности» в размещении вооруженных сил на территориях Калининградской и Псковской областей, правда без указания каких-либо количественных параметров. Вместе с тем,

русская дипломатия зарезервировала право на оперативное развертывание вооруженных сил в этих областях в случае изменения военно-политической обстановки.

В адаптированном ДОВСЕ сохранены ограничения на развертывание и размещение вооружений во фланговых зонах на территории России и Украины. В этом отношении Россия пошла на определенные уступки западным государствам, прежде всего Норвегии и Турции, настойчиво требовавших сохранения фланговых лимитов. Однако, во-первых, были подтверждены решения, согласованные 31 мая 1996 года об изменении географических границ фланговой зоны, а, во-вторых, снято требование изначального ДОВСЕ об ограничениях на вооружения, имеющиеся в регулярных частях и на складах. По новому варианту договора все вооружения, имеющиеся во фланговой зоне, могут находиться в регулярных частях. В итоге, русские боевые возможности, прежде всего на юге, существенно возросли.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 14. Вооружения российских регулярных частей во фланговой зоне

	Танки	ББМ	Артиллерия
Изначальный ДОВСЕ	700	580	1280
Адаптированный ДОВСЕ	1300	2140	1680

Несмотря на определенные уступки, сделанные в ходе переговоров по адаптации ДОВСЕ, российской дипломатии удалось решить главную стратегическую задачу – ограничить символическими количествами возможности государств-членов НАТО размещать иностранные войска на территории стран, недавно ставших членами Альянса. Кроме того, некоторым сокращениям должны подвергнуться вооруженные силы Польши, Чехии и Венгрии. В итоге, стратегическая ситуация в районах, близких к российским границам, существенно стабилизировалась. При этом увеличались, по сравнению с первоначальным вариантом договора, возможности России разворачивать войска во фланговой зоне.

В итоге, неверно утверждать, что НАТО имеет подавляющее военное превосходство над Россией, достаточное для успешного массированного наступления, сорвать которое можно только путем ядерного сдерживания или применения ядерного оружия. Однако и эти сравнения оторваны от реальной военно-стратегической карты Европы. Например, Турция, чтобы использовать свои сухопутные войска против России, должна переместить их через территорию государств Южного Кавказа. С учетом кавказского ландшафта это практически неразрешимая задача. Венгерские войска отделены от России украинской и словацкой территорией и т.д. До тех пор, пока Украина остается нейтральной, между сухопутными силами России и войсками входящих в НАТО государств пролегает обширная зона, ограничивающая их непосредственное соприкосновение.

Наибольшее стратегическое значение применительно к западной зоне имеет южная часть прибалтийского региона, охватывающая вновь получившие независимость государства Балтии, Польшу, Белоруссию и прилегающие области России. Здесь складывается противоречивая ситуация. Прибалтийские государства готовы к урегулированию пограничных проблем на основе признания территориального статус-кво, и окончательное решение этих вопросов зависит сегодня только от России. Вооруженные силы Эстонии, Латвии и Литвы по своим размерам и

оснащенности несоизмеримы с российскими войсками, дислоцированными в районах, примыкающих к Прибалтике. В Калининградской области возникла новая линия соприкосновения вооруженных сил России и государства-члена НАТО. Однако соотношение сил в Южной Прибалтике, в том числе с учетом польских войск, складывается в пользу России. Для того чтобы НАТО приобрела серьезное превосходство над Россией в данном регионе, необходимо разместить в Польше (или в перспективе – в Польше и прибалтийских государствах) крупные соединения иностранных войск и вооружений: около 2000 танков, 4000 ББМ, 2500 артиллерийских установок, 100–200 ударных вертолетов и несколько сот боевых самолетов. Направление в этот регион иностранных войск в таких масштабах возможно лишь в условиях принципиального обострения международной обстановки, сопоставимого с кризисами периода холодной войны, приводящими к отмене ДОВСЕ.

Наиболее опасные последствия для безопасности России в западной зоне будет иметь конфликт с НАТО в результате эскалации напряженности в Балтийском регионе. Его исходной точкой может стать попытка России силовым путем предотвратить присоединение балтийских государств к НАТО. Другой вариант – осложнение ситуации вокруг Калининградской области в результате либо трудностей с перевозками военных грузов через территорию Литвы, либо нарастания сепаратистских настроений в самой Калининградской области и стремления Москвы силой подавить их.

Если в результате этих (или каких-либо иных событий, предугадать которые сейчас невозможно) будет иметь место военное давление на балтийские государства со стороны России, то оно неизбежно вызовет жесткую реакцию со стороны США и европейских государств. Ими будут приняты меры, призванные нейтрализовать это давление. В России же ставка может быть сделана на угрозу ограниченного применения ядерного оружия (например, в виде демонстрационных ударов), если ничего другого противопоставить войскам НАТО, оснащенным современными и

Научные Записки ПИР-Центра №16

перспективными обычными вооружениями, окажется невозможным. Для доказательства решимости пойти на ограниченное применение ТЯО или оперативно-тактического ядерного оружия, соответствующие средства могут быть демонстративно размещены в Калининградской области, а также в Белоруссии, если, разумеется, Минск позволит это сделать. Такого рода варианты нередко упоминаются в российских средствах массовой информации. Более того, в апреле 1999 года спикер Совета Федерации Егор Строев заявил, что вопрос о возвращении в Белоруссию российских ракет «всегда стоит в повестке дня и никогда не снимался»⁸³. Действия США и НАТО в такой ситуации сведутся к жесткому политическому давлению, а если последнее окажется неэффективным, Вашингтон может попытаться уничтожить российские ядерные средства.

Стабилизация ситуации в Южной Балтике в случае расширения НАТО на этот регион не может не учитывать интересы России в отношении Калининградского эксклава, который окажется отделенным от России полосой, входящей в зону ответственности Альянса. Эти интересы включают в себя, прежде всего, гарантии российских коммуникаций, в том числе военных, с Калининградским эксклавом. Но наряду с такими гарантиями, было бы бесполезно положительно отнестись к предложениям по его включению в зону, свободную от ядерного оружия. Такой подход может принести России дополнительные политические дивиденды, а также уменьшить риск возникновения кризиса, способного болезненно сказаться на ее безопасности.

Юго-западная зона

Значение ядерного фактора в обеспечении военной безопасности России в *юго-западной зоне* практически равно нулю. Возникновение в этой зоне военных угроз для России крайне маловероятно. *С одной стороны*, Украина представляет собой обширную нейтральную зону, разделяющую Россию и государства НАТО. Перспективы принятия Украины в НАТО в обозримое время не просматриваются. *С другой*, – сама Украина не имеет ни возможностей, ни причин угрожать России. Теоретически нельзя исключать обострения внутренней социально-экономической и политической ситуации в Украине или в Молдавии, хотя вероятность этого в целом невелика. Скорее, опыт прошлого десятилетия свидетельствует о

значительной устойчивости украинского общества, стремлении масс к стабильности, умении элиты избегать таких обострений внутренних трений и соперничества между различными группировками, которые могут подорвать существующий режим. Нет оснований предполагать обострение обстановки в Молдавии, хотя сепаратистский режим Приднестровья блокирует пока урегулирование конфликта.

Однако если такое обострение произойдет, то интересам России соответствовало бы его скорейшее преодоление. Стабильная и дружественная Украина является гарантией от разного рода неожиданностей на протяженной российско-украинской границе. В свою очередь, вмешательство России во внутренние конфликты на Украине обострит российско-украинские отношения, стимулирует антироссийские тенденции в украинской политике и стремление Киева к сближению с Западом, подтолкнет последний к развитию военно-политического сотрудничества с Украиной. Любая попытка силового давления на Украину со стороны России, не говоря уже о военном вмешательстве во внутренние события, вызовет жесткую реакцию со стороны США и НАТО, вплоть до угрозы применения или реального применения вооруженных сил в тех масштабах, которые будут сочтены необходимыми для обеспечения независимости и территориальной целостности Украины. Политическое урегулирование подобного конфликта будет возможно только на условиях безоговорочного признания суверенитета Украины над всей ее территорией.

Кавказская зона

Ситуация в *кавказской зоне* принципиально отличается от той, которая сложилась вдоль западных и юго-западных границ России. В южных районах бывшего СССР, в том числе на Северном Кавказе, возникли очаги трудноразрешимых локальных конфликтов и зоны нестабильности, создающие реальные угрозы безопасности России. Однако эти угрозы требуют для своей нейтрализации, прежде всего, полицейских операций или акций по принуждению к миру, но никак не применения ядерного оружия в любых его видах.

На юге России сложились благоприятные условия для международного терроризма и деятельности крупных, хорошо

Научные Записки ПИР-Центра №16

организованных преступных сообществ, в том числе имеющих разветвленные международные контакты; сформировались каналы проникновения в Россию больших партий наркотиков и другой опасной контрабанды, имела место экспансия чеченских бандформирований в прилегающие районы Дагестана, не исключено проникновение их в другие республики региона. Неконтролируемая обстановка на севере Кавказского региона, свободная деятельность там разного рода преступных групп разлагающе действует на российские вооруженные силы, подрывает авторитет власти и создает немало других угроз безопасности страны. Нарастание нестабильности на российском Северном Кавказе или в прилегающих к нему зонах Южного Кавказа (Абхазия или Южная Осетия) может создать угрозу крупнейшему российскому порту на Черном море – Новороссийску.

Нестабильность на Северном Кавказе порождается комплексом глубоких и труднопреодолимых обстоятельств: низкий уровень экономического развития, бедность, массовая безработица, клановая структура общества, широкое распространение традиционного менталитета, деградация и фрагментация аппарата управления и т.д. Все это создает благоприятные условия для формирования криминальных сообществ; проникновения экстремистских форм ислама; столкновений клановых группировок, в том числе в правящих элитах; этнических и религиозных конфликтов. Фактически, республики Северного Кавказа вышли из-под эффективного контроля Центра, а лояльность их верхушки к Москве поддерживается экономической зависимостью от России (дотации федерального бюджета; сбыт в России алкоголя и контрабанды, поступления от занятой в русских регионах диаспоры). Как показывает израильский, британский, колумбийский и французский опыт, эффективных средств преодоления терроризма и борьбы с крупными, хорошо организованными преступными сообществами, особенно формирующимися на религиозной и этнической основе, пока нет. Контрпартизанские войны за редкими исключениями заканчивались поражением регулярных сил и победой партизанских формирований. Исключения связаны либо с массовыми репрессиями и этническими чистками, имевшими, например, место в

Западной Украине и Прибалтике в сороковые–пятидесятые годы, либо с отторжением партизан местным населением, главным образом, по этническим причинам, как это произошло в Малайе в пятидесятые годы и обусловило провал кубинского экспорта партизанской войны в Латинскую Америку в шестидесятые годы.

Опасения вызывает ситуация, сложившаяся в государствах Южного Кавказа. Там сохраняются серьезные этнополитические конфликты, так или иначе затрагивающие интересы безопасности России, которые прошли пик вооруженной борьбы и находятся в последние годы в своего рода *замороженном* состоянии. Как правило, ни одна из вовлеченных в них сторон не имеет решающего преимущества над противником. Но взрывоопасная обстановка сохраняется, прежде всего в Абхазии, где в случае вывода миротворческих сил могут возобновиться широкомасштабные по местным меркам боевые действия. Остается крайне сложной проблема статуса и принадлежности Нагорного Карабаха, и пока не просматриваются контуры ее политического решения. Как в Азербайджане, так и, особенно, в Армении имеются силы, не заинтересованные в поисках компромиссного решения конфликта, стремящиеся к нагнетанию напряженности и, в перспективе, к его *окончательному* военному решению. Однако сейчас ни Армения, ни Азербайджан не готовы экономически и в военном отношении к возобновлению вооруженного противостояния.

Гипотетическое обострение армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха, вовлечение в него Турции, угроза разгрома армянской армии и оккупации Армении, могут привести к вмешательству в конфликт российских вооруженных сил с перспективой крупного столкновения между ними и турецкими войсками. При нынешнем уровне боеспособности российских вооруженных сил и незначительных возможностях *проецирования силы* в районы Южного Кавказа, такое столкновение завершится либо поражением России, либо угрозой применения ядерного оружия. Последняя практически автоматически вызовет исключительно жесткие действия США и НАТО, ибо речь идет об угрозе в адрес одного из членов Североатлантического альянса.

Научные Записки ПИР-Центра №16

Центрально-азиатская зона

В бывшей советской Центральной Азии сложилась весьма противоречивая военно-политическая обстановка. *С одной стороны*, урегулирован многолетний внутренний конфликт в Таджикистане и, несмотря на многочисленные трудности, ситуация в этой стране находится в рамках, определенных соглашениями по национальному примирению. *С другой*, – нарастает активность экстремистских исламских сил в Узбекистане и Южной Киргизии. Их цель – свержение режима Каримова и установление в Узбекистане исламского государства. Источником нестабильности в регионе является Афганистан, особенно режим талибов, поддерживающий террористические организации и экстремистские движения, а также ставший одним из основных поставщиков наркотиков на мировой рынок. Операция США против этого режима может существенно изменить военно-политический ландшафт этого региона. Однако направления этих изменений будут определяться ходом и исходом американской операции в Афганистане, прежде всего тем, насколько успешной она окажется.

Вопрос о том, насколько события в Центральной Азии угрожают безопасности России отнюдь не прост. Ответ на него зависит, в том числе от того, как интерпретируются и воспринимаются принципиальные интересы безопасности страны. Если к жизненно важным интересам России относить установление фактического протектората над новыми независимыми государствами Центральной Азии или включение их в российскую военно-политическую орбиту, то экстремистские движения в районах, достаточно отдаленных от российских границ, представляют собой прямую и непосредственную военную угрозу российской безопасности. Но если трактовать интересы безопасности России как нейтрализацию военных и иных, в том числе нетрадиционных угроз, исходящих из региона, и способных воздействовать на положение дел на российской территории, то картина может выглядеть иначе.

Реальные или потенциальные очаги напряженности и нестабильности в странах бывшей советской Центральной Азии (восточный Узбекистан, Таджикистан и южная Киргизия) отделены от российских границ обширными пустынными или

полупустынными зонами северной части Казахстана. Последние являются естественным барьером, защищающим российскую территорию от враждебных посягательств и экстремистских движений. При этом районы напряженности в Центральной Азии – исторические зоны оседлого земледелия с сильным влиянием иранской культуры и глубоко укоренными исламскими традициями. В свою очередь, население Казахстана и Киргизии, в недавнем прошлом кочевое, в целом незначительно подвержено влиянию ислама, в том числе его экстремистских модификаций. Образованные и элитные слои этих государств ориентированы, скорее, на европейские культурные парадигмы, близки по своим устремлениям к Турции, а не к Ирану или Саудовской Аравии. Иными словами, Казахстан и Северная Киргизия представляют собой не только географический, но и в известной мере культурный барьер между Россией и исламским экстремизмом и терроризмом, концентрирующимися в Афганистане и некоторых других мусульманских государствах.

Однако в странах центрально-азиатского региона сформировался серьезный источник невоенных угроз российской безопасности. Отсутствие эффективного пограничного режима на российско-казахстанской границе не дает возможности предотвратить проникновение в Россию из Центральной Азии крупных партий наркотиков, иной контрабанды, пресечь связи преступных группировок, действующих в России и центрально-азиатских государствах. Российские пограничные войска и 201-я мотострелковая дивизия, находящиеся в Таджикистане, не в состоянии прекратить поток наркотиков через афгано-таджикскую границу и подавить наркобизнес в самом Таджикистане, который является одним из основных источников существования для широких слоев таджикского населения.

В этих условиях, наиболее надежным путем обеспечения безопасности России на центрально-азиатском направлении было бы не столько военное вмешательство в Таджикистане или (хотя пока это не просматривается) в Узбекистане, но содействие поддержанию стабильности в Казахстане. Стабильный, дружественный или, по крайней мере, нейтральный Казахстан, способный прекратить транзит наркотиков,

Научные Записки ПИР-Центра №16

оружия и сдержать террористические и экстремистские формирования на своих южных границах, будет ключевым фактором безопасности России в Центральной Азии. Подобный вариант является тем более привлекательным, что Россия не в состоянии сегодня и обозримом будущем, до завершения радикальной военной реформы, ввести в Центральную Азию значимый военный контингент, способный заметно воздействовать на ситуацию в регионе, если последняя потребует крупного военного вмешательства.

Применение ядерного оружия против экстремистских движений в ходе локальных конфликтов и даже относительно крупных контрпартизанских операций в бывших советских республиках Центральной Азии бессмысленно с военной точки зрения и крайне контрпродуктивно с политической. Однако, по мнению западных экспертов, в России не исключают возможности размещения в регионе своего ТЯО. Так, Уильям Поттер и Николай Соков писали в 2000 году: *«наблюдается сдвиг российской дипломатии, которая в настоящее время интерпретирует Ташкентский договор о коллективной безопасности как обоснование для размещения в Центральной Азии российского ядерного оружия в определенных обстоятельствах. Этот сдвиг, ставший очевидным после апреля 1999 года, проявляется в спокойных, но эффективных усилиях российской дипломатии, направленных на ослабление Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, являющийся сегодня объектом переговоров»*⁸⁴.

Возможно, подобная позиция определяется не только и не столько озабоченностями российского истеблишмента относительно потенциального развития событий собственно в Центральной Азии, сколько опасениями, связанными с ролью Китая в регионе.

Дальневосточная зона

В настоящее время на Дальнем Востоке отсутствуют источники прямой военной угрозы России. Урегулирование пограничных проблем с КНР, соглашения о мерах доверия и о сокращениях вооруженных сил в районах, прилегающих к бывшей советско-китайской границе, а также общая нормализация отношений с Китаем в нынешнем десятилетии стабилизировали стратегическую обстановку в

регионе. Они устранили источники напряженности, длительное время вызывавшие, и не без оснований, острую тревогу в бывшем СССР⁸⁵.

Со своей стороны, китайское руководство никоим образом не заинтересовано в обострении отношений с Россией, учитывая непростые отношения с США и, особенно, вероятность осложнения внешнеполитических и военных позиций Китая в случае объявления Тайванем независимости. Россия представляет для Китая интерес как источник высоких технологий военного назначения. В этих условиях, Китай в ближайшие годы не будет представлять угрозы для военной безопасности России, у него не будет реальных причин для враждебных действий против России, в том числе для интервенций в российские дальневосточные регионы. Скорее всего, внешняя политика КНР останется сдержанной и сбалансированной, Пекин будет избегать излишних осложнений во взаимосвязях с Россией и ведущими странами Запада, поддерживать с ними по возможности ровные отношения.

Восприятие Китая и намерений китайского руководства российской военно-политической элитой существенно изменилось в течение прошлого десятилетия. Так, еще в середине девяностых годов в военных кругах в Москве доминировали настороженность и даже подозрительность по отношению к КНР. Например, в октябре 1994 года видный российский военный деятель генерал Леонид Ивашов писал: *«Китай в ближайшее десятилетие, скорее всего, превратится в ядерную сверхдержаву с достаточно мощным экономическим и военным потенциалом и неограниченными людскими ресурсами. Территориальные притязания Китая к России, Казахстану, Монголии находят отражение в китайских средствах массовой информации. В печати все чаще появляются антисоветские и антироссийские статьи. [...] Скорее всего, силовое и идеологическое давление со стороны Китая будет нарастать»*⁸⁶.

К концу прошлого десятилетия, однако, отношение российской элиты к Китаю принципиально изменилось. В нем видят не столько потенциального соперника, сколько союзника в противоборстве с гипотетическим стремлением США установить мировую гегемонию. Видимо и та, и другая точки

Научные Записки ПИР-Центра №16

зрения упрощенно трактуют весьма сложную проблему.

Весомые экономические успехи Китая и колоссальный демографический потенциал остро ставят вопросы о природе и эволюции его политического режима, а также о направленности и характере действий за пределами его национальных границ не только в ближайшие годы, но, особенно, в будущем. Вопрос, на который нет ответа, заключается в том, какова будет политика КНР, если ей удастся успешно завершить модернизацию экономики и вооруженных сил, а также в том, сможет ли она это сделать.

Очевидные успехи не привели пока к построению в Китае современной экономики, не решили ключевых социально-экономических проблем. Значительная часть Китая представляет собой сельские регионы с низким или очень низким уровнем экономического развития и благосостояния масс, городские центры испытывают растущее давление мигрантов из деревни, увеличивается разрыв между амбициями населения, прежде всего его материальными притязаниями, и возможностями их удовлетворения.

Нерешенность социально-экономических проблем страны, нарастающие противоречия между тоталитарной природой китайского режима и потребностями модернизации экономики, крупные разрывы в уровнях экономического развития между различными регионами могут привести к политическим потрясениям, дестабилизации страны, смене режима, распаду государства и другим, трудно предсказуемым последствиям. Оценить их вероятность и влияние на внешнюю политику сейчас невозможно. Однако если централизованный контроль над ситуацией в стране ослабнет или будет ликвидирован, а социально-экономическое положение масс в результате общей дестабилизации ухудшится, то возникнет перспектива крупномасштабных хаотических миграций населения северных провинций в сопредельные российские районы. Это, скорее всего, приведет к развитию серии конфликтных ситуаций на российском Дальнем Востоке, чреватых применением российских вооруженных сил. Предсказать характер и исход этих столкновений в настоящее время невозможно.

Другой вариант гипотетического российско-китайского столкновения может реализоваться

в случае, если в Китае, в результате осложнения внутренней обстановки, к власти придет режим, способный, *во-первых*, объединить страну и восстановить централизованный контроль над регионами и, *во-вторых*, заинтересованный по тем или иным причинам в том, чтобы канализировать внутреннюю напряженность вовне (сценарий, напоминающий в чем-то культурную революцию шестидесятых годов). В этом случае можно ожидать более или менее организованного вторжения крупных масс китайского населения на российскую территорию, перерастающего в российско-китайский конфликт.

Теоретически нельзя исключать и вариант форсированной демократизации Китая в результате распада или перерождения тоталитарного режима, хотя ни его вероятность, ни пути реализации в настоящее время не поддаются сколько-нибудь обоснованному определению. Однако если он действительно будет иметь место, то картина мирового развития претерпит фундаментальные изменения, по сравнению с линейным продолжением нынешней ситуации.

В любом случае Китай остается в будущем серьезным фактором неопределенности мировой системы международных отношений. Эта неопределенность не означает автоматически угрозу для России, но будет заставлять и, возможно, заставляет, планировать усилия по обеспечению безопасности страны с учетом непредвиденных поворотов событий, появления разного рода неожиданных явлений, в том числе представляющих опасность.

Гипотетический конфликт с Китаем является одним из основных аргументов в пользу сохранения крупного российского ядерного арсенала, особенно, субстратегического. Однако в случае угрозы ядерной атаки Китай не будет ждать ядерного удара по своим вооруженным силам и крупным военным объектам, но может нанести упреждающий удар. Модернизация китайского ядерного потенциала сопровождается утверждением доктрины, предусматривающей, в частности, возможность контрсилловых ударов. Подобная ситуация ставит Россию в весьма сложное положение. *С одной стороны*, ограниченное применение или угроза применения субстратегического ядерного оружия в

Научные Записки ПИР-Центра №16

гипотетическом конфликте с Китаем в случае его экспансии на российскую территорию может спровоцировать китайский ядерный удар по достаточно широкому спектру целей в Сибири и на Дальнем Востоке. *С другой*, – российские конвенциональные силы могут оказаться не в состоянии сдержать массированное наступление китайских войск.

Нет оснований ожидать вооруженного конфликта между Россией и Японией. Японская линия в отношении *северных территорий* не включает в себя каких-либо силовых акций, направленных на возвращение спорных Южно-Курильских островов. Расчет, как можно предположить, делается, скорее, на то, что дальнейшая деградация экономической ситуации в России, в целом, и на Дальнем Востоке, в особенности, приведет к ослаблению политического и административного контроля Центра над российскими территориями региона, нарастанию там сепаратистских настроений и общей дестабилизации. В результате могут сложиться благоприятные условия для решения этой проблемы в интересах Токио политическим путем.

Ситуация на Корейском полуострове остается напряженной, но эскалация конфликта и его переход в стадию вооруженной борьбы в ближайшее время является крайне маловероятной. Такая эскалация становится возможной в случае существенной дестабилизации внутренней обстановки в Северной Корее и, одновременно, при том условии, что северокорейский режим приобретет ракетно-ядерный потенциал, с помощью которого Пхеньян может надеяться сдержать вмешательство США в такого рода конфликт. При этом, военный конфликт на Корейском полуострове, затрагивая, безусловно, интересы России, не требует ее военного вмешательства.

Таким образом, в обозримом будущем военные вызовы безопасности России в регионах, непосредственно примыкающих к российским границам, могут возникнуть в результате обострения нестабильности на Северном Кавказе и – в более долгосрочной перспективе – на Дальнем Востоке. Что касается иных возможных конфликтов, то их влияние на безопасность России будет зависеть от того, насколько успешно она сможет предотвратить их эскалацию или, по крайней мере, не втянуться в те, которые не

затрагивают непосредственно ее территорию. Вместе с тем, гарантий того, что не произойдет эскалация локального конфликта, приводящего к конфронтации с ведущими западными державами, нет. В этом случае для России важно обеспечить сдержанность западных государств, не допустить жесткого военного давления, не спровоцировать последние на упреждающие действия, чреватые для нас тяжелыми последствиями.

Зона нестабильности в мусульманском мире
Безопасность России, хотя и не прямо, зависит также от событий, происходящих в обширной зоне нестабильности и конфликтов в мусульманском мире. Причины нестабильности в этих регионах делятся на несколько групп. Прежде всего, она порождается невысоким (за исключением арабских нефтедобывающих стран Персидского залива) жизненным уровнем масс, резко контрастным расслоением общества по имущественному признаку. Трудности экономического развития усугубляются технологической отсталостью и наличием обширных, прежде всего сельских, регионов с крайне низким уровнем жизни. Массовые миграции населения из сельской зоны в города приводят к накоплению там значительных маргинальных масс, являющихся благоприятной средой для распространения экстремистских взглядов и настроений.

Вторая группа факторов нестабильности связана с особенностями культурной эволюции мусульманских обществ в условиях нарастающей глобализации. Нарастают противоречия между потребностями модернизации и традиционными общественными структурами, в том числе институтами власти авторитарного типа (за исключением Турции и Индии). Это ведет к появлению и нарастанию экстремистских фундаменталистских движений в большинстве мусульманских стран, создает условия для формирования там левых радикальных движений и группировок некоммунистического толка, которые могут действовать совместно с мусульманскими экстремистами.

Третья группа факторов нестабильности сопряжена с межгосударственными противоречиями и конфликтами. Все более вероятны столкновения из-за энергетических, прежде всего нефтяных, ресурсов. Появляются лидеры, стремящиеся к региональной

Научные Записки ПИР-Центра №16

гегемонии. Последствия таких конфликтов могут быть особенно тяжелыми, учитывая распространение ОМУ.

В этих условиях есть все основания ожидать, что в ближайшие 10–15 лет в географически близких к России регионах будут иметь место межгосударственные конфликты, вспышки внутренней напряженности, перевороты, появление экстремистских режимов и другие опасные проявления. Влияние такого рода событий на стабильность мировой системы оценить в деталях невозможно, однако, оно, несомненно, будет возрастать по мере того, как будут усиливаться экономические и иные связи рассматриваемого региона с развитыми государствами, прежде всего европейскими. В условиях глобализации дестабилизирующее воздействие разного рода локальных ситуаций, типичных для *третьего мира*, усилится, возрастет вероятность их горизонтальной и вертикальной эскалации, втягивание в них все более широкого круга стран, в том числе ведущих мировых держав. Это, в свою очередь, увеличит непредсказуемость мирового развития, возможность появления угроз и вызовов нового типа. Такие угрозы могут многократно усиливаться в случае обретения экстремистскими режимами ракетно-ядерного оружия, в том числе средней дальности. Перспектива такого развития событий возникла, например, в Пакистане, где после начала американской операции против режима талибов активизировались исламские экстремистские силы, могущие дестабилизировать режим и установить собственный контроль над пакистанским ядерным арсеналом.

Субстратегическое ядерное оружие в новых военно-политических условиях

Многие аналитики усматривают сегодня прямые аналогии между нынешней российской ядерной политикой и стратегическими установками НАТО в период *холодной войны*. Это не учитывает принципиальных изменений стратегической ситуации в Евразии. До вывода бывших советских войск из Европы и распада ОВД существовала протяженная линия непосредственного соприкосновения вооруженных сил противостоящих друг другу блоков. В Центральной и Восточной Европе была развернута мощная группировка войск государств ОВД, способная к проведению массированных наступательных операций, которой противостояли сосредоточенные в

центре континента войска НАТО. Высокий уровень военно-политической конфронтации и взаимная подозрительность могли в любой момент спровоцировать вооруженный конфликт, способный почти автоматически перерасти в крупномасштабную войну континентального масштаба.

Нынешнее же стратегическое положение в Европе принципиально иное. За исключением весьма ограниченных участков российско-норвежской границы на северном фланге и российско-польской – в Калининградской зоне, прямого соприкосновения войск государств-членов НАТО и России нет. Даже в случае дальнейшего расширения Североатлантического альянса на Восток сохранится обширная *буферная зона*, отделяющая его вооруженные силы от российских войск. Возможно возникновение серьезного очага напряженности в Южной Балтике, когда и если балтийские государства будут приглашены в НАТО. Но и в этом случае трудно предположить, что на территориях Польши, Латвии, Литвы и Эстонии будут дислоцированы столь значительные массы западных войск, что сдержать представляемую ими угрозу можно только ядерным оружием.

Вместе с тем, с учетом ситуации на Дальнем Востоке и в мусульманском мире, характер внешних угроз для России в настоящее время не поддается точному анализу и прогнозированию. Разумная военно-политическая стратегия страны требует в этих условиях сохранения некоторого ядерного потенциала, который мог бы служить гарантией безопасности. Представляется, однако, что такой потенциал должен представлять собой минимально необходимые стратегические силы, способные решать задачи сдерживания применительно к гипотетическим конфликтам на Дальнем Востоке и угрозам, порождаемым распространением ракетно-ядерного оружия в *третьем мире*.

При этом основные угрозы России порождаются локальными нестабильностями и конфликтами. Ориентация на ядерное сдерживание существенно сужает спектр возможных действий России в локальных и региональных войнах, лежащих в пределах между операциями низкой интенсивности и применением ядерного оружия. Ограниченное, в том числе *демонстрационное* применение ядерного оружия в ходе вооруженного

Научные Записки ПИР-Центра №16

конфликта абсолютно неприемлемо для мирового общественного мнения. Применение или угроза применения ядерного оружия, даже в единичном масштабе, в условиях, когда нет прямой и четко выраженной угрозы использования против России ядерных вооружений, по сути дела, представляет собой выход за пределы допустимого использования военной силы. Государства, которые могут стать объектом *демонстрационного* удара, будут делать все возможное для того, чтобы предотвратить его как политическими, так и военными средствами и, в результате, крайне опасное соскальзывание к всеобщей ядерной войне становится весьма вероятным.

Наконец, линия на ядерное сдерживание сопряжена с представлением о Западе как о могущественном противнике России, угрожающем ее жизненным интересам. Это предопределяет трактовку американских планов ограниченной национальной противоракетной обороны и расширения НАТО. Они рассматриваются исключительно как направленные против России. Из этого вытекают угрозы выхода из договоров по контролю над вооружениями, включая договоры по РСМД и обычным вооруженным силам в Европе. При этом упускается из виду, что такого рода акции неизбежно приведут к острой кризисной ситуации, воспроизводящей события первой половины восьмидесятых годов с тем лишь отличием, что военный и военно-экономический потенциал России несопоставим с потенциалом бывшего СССР.

В самом общем плане, суть проблемы военной безопасности в том, что нынешнее состояние российских вооруженных сил критическое, а сколько-нибудь существенное увеличение расходов на оборону невозможно. В этих условиях единственный выход из кризиса – изменить приоритеты военного строительства, сосредоточив ресурсы на укрепление сил общего назначения. Аргументируя это, генерал Анатолий Квашнин, отвергая логику и аргументы *ракетно-ядерного лобби*, заявил в июне 2000 года: «Россия должна иметь количество ядерного оружия на минимально достаточном уровне, а не избыточно». Подчеркнув, что ядерное оружие является фактором политического сдерживания экстремистских замыслов, генерал Квашнин отметил, что «все понимают: применение ядерного оружия – это безумие»⁸⁷.

Приведенные только что соображения носят, скорее, политический, чем военный характер. В военном же отношении, все нынешние российские представления о возможности применения субстратегического ядерного оружия для сдерживания конфликта или его деэскалации не учитывают реакции противостоящей стороны. Нет оснований предполагать, что потенциальный противник, кем бы он ни был, будет ожидать, пока Россия, нанеся ограниченный ядерный удар, в том числе субстратегическими средствами, поставит его перед тяжелой дилеммой – либо признать поражение, либо решиться на чреватую катастрофическими последствиями эскалацию военных действий. Наоборот, единственно рациональной стратегией поведения противостоящей стороны является ликвидация самой возможности возникновения такой дилеммы. Наиболее надежной линией действий в этих целях является нанесение упреждающего удара по российским ядерным средствам как стратегической, так и, особенно, субстратегической дальности. В этом случае уже Россия окажется перед выбором – двигаться к эскалации боевых действий или смириться с поражением.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОНТРОЛЯ НАД СУБСТРАТЕГИЧЕСКИМИ ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ

Сохранение субстратегических вооружений в качестве средства сдерживания гипотетической агрессии против России, во многом, контрпродуктивно. *С одной стороны*, как только что подчеркивалось, ориентация на *субстратегическое сдерживание* гипотетического противника, обладающего ядерным оружием, может спровоцировать быструю эскалацию конфликта. *С другой*, – поддержание крупного арсенала таких вооружений вызывает беспокойство в США и, особенно, в европейских государствах, которые рассматривают это либо как свидетельство подготовки России к *ограниченным* ядерным войнам, либо как наглядное проявление инерции военно-стратегического мышления, не способного адаптироваться к новым мировым реальностям.

В свете этого международные соглашения о сокращении или ограничении субстратегических ядерных вооружений могли бы, *с одной стороны*, укрепить кризисную

Научные Записки ПИР-Центра №16

стабильность в Европе и, таким образом, усилить политические позиции России в ее отношениях со странами Запада. С другой, – стимулировать в России разработку военно-политических концепций, адекватных нынешним особенностям глобальной стратегической ситуации. Успехи, достигнутые в ограничении субстратегических вооружений – договор по РСМД и односторонние обязательства США и России по сокращению тактических ядерных боеприпасов, показывают, что при наличии политической воли можно было бы продвинуться и далее в этой области. Однако начало переговоров по этой проблематике блокируется как политическими позициями ряда стран, так и большим количеством технических проблем, без решения которых разработка и достижение соглашения по дальнейшему ограничению и сокращению субстратегических вооружений невозможна.

Первые шаги по ограничению и сокращению субстратегических вооружений

Первым крупным шагом по сокращению субстратегических вооружений стал советско-американский договор по РСМД, заключенный в 1987 году. Его заключению предшествовал острейший военно-политический кризис, вызванный развертыванием бывшим СССР высокоэффективных ракет средней дальности *Пионер* (или SS-20), предназначенных для поражения ключевых военных, экономических и иных объектов на территории европейских государств. Развертывание этих ракет было воспринято на Западе как свидетельство подготовки СССР к развязыванию в Европе *ограниченной* ядерной войны и обесцениванию американских ядерных гарантий. Ответные меры со стороны НАТО, а также изменение политической ситуации в бывшем СССР сделали возможным после длительных и крайне напряженных переговоров достичь соглашения о ликвидации советских и американских баллистических ракет и крылатых ракет наземного базирования дальностью от 500 до 5500 км.

Следующий шаг в ограничении субстратегических вооружений был подготовлен в процессе разработки договора СНВ-1. В приложенных к этому договору односторонних заявлениях относительно политики в отношении ядерных КРМБ СССР и США брали на себя обязательства:

- не развертывать на надводных кораблях и подводных лодках более 880 КРМБ дальностью свыше 600 км, оснащенных ядерной боевой частью;
- не производить КРМБ, оснащенных двумя и более ядерными боеголовками;
- информировать друг друга в конфиденциальном порядке:
 - a) о максимальном количестве развернутых ядерных КРМБ дальностью свыше 600 км;
 - b) о типах надводных кораблей и подводных лодок, на которых могут быть развернуты такие КРМБ;
 - c) о количестве развернутых ядерных КРМБ дальностью от 300 до 600 км.

Кроме того, бывший СССР взял на себя обязательства:

- не придавать бомбардировщику Ту-22М способность совершать межконтинентальные перелеты, в том числе не оснащать его средствами дозаправки в воздухе;
- не иметь более 300 самолетов Ту-22М, не включая самолеты морской авиации, и не более 200 самолетов Ту-22М в морской авиации.

В отличие от положений собственно договора СНВ-1, эти обязательства имели скорее политический, чем юридический характер и не подлежали какой-либо проверке. Они представляли собой компромиссное решение, учитывающее озабоченность СССР американскими КРМБ большой дальности, а также обеспокоенность США советскими бомбардировщиками средней дальности.

Изменение глобальной стратегической ситуации после окончания *холодной войны* сделало возможным осуществить крупные меры по сокращению ядерных боезарядов, предназначенных для субстратегических вооружений. Эти меры были определены односторонними заявлениями президента США Джорджа Буша-старшего от 28 сентября 1991 года, а также ответными предложениями тогдашнего президента СССР Михаила Горбачева от 5 октября 1991 года и первого президента России Бориса Ельцина от 29 января 1992 года. Суть этих обязательств представлена в таблицах 15 и 16.

Таким образом, обязательства, объявленные президентом Борисом Ельциным, шли намного дальше, чем меры в области сокращений ТЯО, охарактеризованные

Научные Записки ПИР-Центра №16

Таблица 15. Обязательства США по сокращению ТЯО

Ликвидируется весь арсенал ТЯО наземного базирования, в том числе ядерные боеголовки для тактических ракет и ядерные артиллерийские снаряды	Ликвидировано 1300 ядерных артиллерийских снарядов и 850 боеголовок ракет <i>Lance</i>
Снимается и размещается на базах централизованного хранения все ТЯО, в том числе ядерные КРМБ <i>Tomahawk</i> , с надводных кораблей, включая авианосцы, а также с ударных подводных лодок и морской авиации, в том числе глубинные бомбы. Примерно половина этих вооружений ликвидируется	Ликвидировано 900 ядерных глубинных бомб B57
Прекращается разработка ракеты малого радиуса действия <i>SRAM-T</i> , предназначенной для оснащения тактической ударной авиации	

Источник: Public Papers of the President of the United States. Book II. July 1 to December 31, 1991. Washington DC, US Government Printing Office, 1992, pp.1220–1224.

Таблица 16. Обязательства СССР/России по ТЯО от 5 октября 1991 года и от 29 января 1992 года

Обязательства от 5 октября 1991 года	Обязательства от 29 января 1992 года
Все ядерные мины будут уничтожены	Все ядерные мины будут уничтожены, а их производство прекращено
Все ядерные снаряды будут уничтожены	Все ядерные снаряды будут уничтожены, а их производство прекращено
Все ядерные боеголовки тактических ракет будут уничтожены	Все ядерные боеголовки тактических ракет будут уничтожены, а их производство прекращено
Ядерные боеголовки противоракет будут сняты с боевого дежурства и складированы, частично уничтожены	
Все ТЯО будет снято с надводных кораблей и многоцелевых подводных лодок. Это оружие, а также ядерное оружие морской авиации наземного базирования будет складировано и частично уничтожено	Одна треть ядерного оружия морского базирования будет ликвидирована
	Половина ядерных боеголовок зенитных ракет будет ликвидирована
	Авиационные тактические ядерные боеприпасы будут сокращены наполовину

Источники: www.sipri.se/SAC/91005/html; О политике России в области ограничения и сокращения вооружений. Заявление президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина 29 января 1992 года. *Российская Газета*, 30 января 1992 года, с.1, 2.

Михаилом Горбачевым. Так, в январе 1992 года было недвусмысленно заявлено не только об уничтожении наличных запасов ядерных мин, снарядов и тактических ракет, но и о прекращении их производства. О последнем в заявлении Михаила Горбачева речи не было и, следовательно, вопрос о прекращении производства соответствующих типов ядерных боеприпасов оставался открытым. Кроме того, Борисом Ельциным были объявлены существенные – наполовину – сокращения боезарядов для зенитных ракет и авиации, о чем Михаил Горбачев вообще не упоминал. Более четко были обозначены

параметры сокращения морских тактических ядерных вооружений.

Оформление этих обязательств в виде односторонних политических инициатив позволило избежать длительных и тяжелых переговоров, в ходе которых, помимо всего прочего, требовалось бы найти точные определения сокращаемых или ликвидируемых вооружений, разработать механизм проверки, включая инспекции на местах, обменяться официальными данными о количестве попадающих под действие договора вооружений, согласовать процедуры их ликвидации и решить немало других

Научные Записки ПИР-Центра №16

технических вопросов. Практика переговоров по стратегическим наступательным вооружениям и обычным вооруженным силам в Европе показала, что такого рода проблемы требуют для решения намного больших времени и усилий, чем согласование принципиальных вопросов стратегического уровня, в том числе об объемах сокращений, потолках и т.д.

Вместе с тем, обязательства 1991–1992 годов не создали юридически обязывающего международного режима, ограничивающего субстратегические ядерные вооружения, они не предполагали ни обмена информацией о наличных запасах таких вооружений, не ограничивали НИОКР в соответствующих областях и не ограничивали производство ядерных боеприпасов новых типов для морских и авиационных вооружений. Не было оговорено каких-либо ограничений на географическое размещение тактических ядерных вооружений. Эти обстоятельства существенно снижают значимость этих обязательств.

Наконец, в марте 1997 года президенты Билл Клинтон и Борис Ельцин во время встречи в Хельсинки договорились о рассмотрении ТЯО и КРМБ в контексте будущих переговоров по СНВ-3. В подписанном ими Совместном заявлении о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, в частности, говорилось: *«Президенты согласились также о том, что в контексте переговоров по СНВ-3 их эксперты рассмотрят в качестве отдельных вопросов возможные меры, касающиеся ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности и тактических ядерных средств, включая соответствующие меры укрепления доверия и транспарентности»*⁸⁸.

Эта формула является хорошим примером дипломатической двусмысленности и неопределенности. Она оставляет открытыми несколько вопросов. Означает ли рассмотрение экспертами упомянутых вопросов достижение тех или иных договоренностей по ним? Должны ли договоренности по ТЯО стать составной частью будущего договора по стратегическим вооружениям и, если да, то в какой форме? Должны ли переговоры по ним вестись вместе с переговорами по стратегическим системам или отдельно от них? В какой мере договоренности по ТЯО должны быть увязаны

с договоренностями по КРМБ? Российские эксперты и официальные лица полагают, как писал Алексей Арбатов, что *«[...] Переговоры по тактическому ядерному оружию, а также крылатым ракетам большой дальности морского базирования должны вестись отдельно от СНВ-3, но как бы параллельно и в стратегической связи с ним»*⁸⁹.

Эта трактовка – «отдельно, но как бы параллельно и в стратегической связи» еще более запутывает ситуацию. Не проясняет положение дел и высказывание бывшего министра обороны России маршала Игоря Сергеева, который заявил: *«что касается тактического ядерного оружия, то у нас нет намерений менять ту позицию, которая была зафиксирована в хельсинкском Совместном заявлении президентов России и США от 21 марта 1997 года. В контексте переговоров по СНВ-3 мы готовы рассмотреть – и я хотел бы это особо подчеркнуть – меры в отношении этого вида оружия в качестве отдельного вопроса»*⁹⁰.

Однако трудности, блокирующие начало переговоров, связаны не только с их форматом, но и с политическими позициями сторон.

Ядерное оружие на территории иностранных государств

Решение, даже частичное, проблем, связанных с переговорами по субстратегическому ядерному оружию, затрудняется серьезными расхождениями в подходах к содержанию возможных договоренностей. Главный и, по сути дела, на нынешний момент единственный элемент российской позиции состоит в том, что ТЯО должно находиться только на территориях, обладающих им государств. *«Первоочередным шагом здесь нам видится договоренность о размещении тактического ядерного оружия только в пределах своих национальных территорий»*⁹¹, – подчеркнул маршал Сергеев в декабре 2000 года.

Это аргументируется тем, что Россия не имеет такого оружия за пределами своих национальных границ, тогда как Соединенные Штаты сохраняют свой ядерный арсенал в Европе. В итоге, по мнению официальных российских лиц и многих экспертов, возникает серьезный дисбаланс, создающий угрозу безопасности России. Так, заместитель председателя комитета Государственной Думы по промышленности, строительству и

Научные Записки ПИР-Центра №16

наукоемким технологиям Вячеслав Шпорт заявил: *«все российское ядерное оружие находится в пределах ее национальной территории, у России нет инфраструктуры для использования этого вида оружия за пределами ее национальной территории. Соединенные Штаты же не вывели тактическое ядерное оружие на свою национальную территорию. Существенная его часть продолжает оставаться размещенной в пределах досягаемости территории России. Более того, США сохраняют вблизи от российских границ инфраструктуру для своих тактических ядерных средств. Не учитывать этот факт в условиях понижения уровней стратегических ядерных средств по договору СНВ-3 мы, естественно, не можем. Таким образом, размещенное у границ России тактическое ядерное оружие США играет роль стратегической компоненты»*⁹².

Таким образом, российское требование о размещении ТЯО в пределах национальных границ, фактически, означает вывод соответствующих американских вооружений из Европы. Некоторые западные эксперты полагают, что такая позиция Москвы обусловлена тем, что наличие американских ядерных вооружений воздушного базирования в Европе может обесценить военно-политическое значение российских субстратегических вооружений. Так, сотрудник Монтерейского института международных отношений Николай Соков писал: *«Присутствие американского тактического ядерного оружия совершенно определенно ослабляет уравнивающую роль российского тактического ядерного оружия. Более того, американское тактическое ядерное оружие может сделать то, что аналогичное советское оружие никогда не могло сделать в период холодной войны, – нанести удар по стратегическим силам другой стороны»*⁹³.

Требование о выводе американских субстратегических вооружений из Европы несовместимо с нынешней позицией НАТО и США, которые рассматривают их сохранение на европейском континенте как свидетельство неразрывной связи США и их союзников по НАТО в области безопасности. На Западе, в свою очередь, обращают особое внимание на существенный дисбаланс по тактическим ядерным средствам между Россией и НАТО и трактуют российское требование о выводе

американского ТЯО из Европы как свидетельство намерений Москвы ослабить Североатлантический альянс и нежелание обсуждать вопрос о сокращении или ликвидации субстратегических ядерных средств по существу.

Но эта проблема имеет и другое измерение. Нельзя исключать (во всяком случае, можно предположить), что рано или поздно США и НАТО согласятся вывести американские тактические боезаряды из Европы. Это сразу же поставит Россию в очень трудное положение, поскольку западные государства немедленно потребуют выровнять тактические ядерные потенциалы на европейской территории России и на остальной части Европы. В этом случае, соответствующий российский ядерный потенциал должен быть снижен до уровня французского, то есть до потолка в несколько десятков единиц, поскольку других субстратегических ядерных вооружений на территории Европы не останется. При этом нет уверенности в том, что Франция возьмет на себя какие-либо обязательства по ограничению своего авиационного ядерного компонента. Как отмечалось выше, во Франции рассматривают этот компонент как часть стратегического арсенала, а политическая позиция Парижа состоит в том, что любое участие Франции в контроле над стратегическими вооружениями возможно лишь, если США и Россия снизят свои соответствующие вооружения до уровня, сопоставимого с французским.

Если будет все же найдено то или иное решение проблемы нахождения субстратегического ядерного оружия, то дискуссия будет сосредоточена на нескольких других, крайне трудных вопросах.

Предмет и содержание соглашения, его участники и географическая зона действия

К числу ключевых элементов договоренностей по субстратегическому ядерному оружию относится вопрос о его предмете. Соглашения по стратегическим вооружениям ограничивают как количество носителей или пусковых установок, так и стратегических боезарядов, но не в целом, а только находящихся на развернутых носителях. Но носители субстратегического оружия представляют собой в подавляющем большинстве системы двойного назначения, ограничение или сокращение которых потребует принципиальных политических

Научные Записки ПИР-Центра №16

решений, вероятность которых представляется сегодня минимальной. Поэтому, в отличие от договоров РСМД, СНВ-1 и СНВ-2 предметом соглашения по тактическим вооружениям могут быть лишь ядерные боезаряды, а также те их носители, которые принципиально не могут использоваться для доставки неядерных боеприпасов.

Это сразу же порождает исключительно сложную проблему проверки будущего соглашения. Последняя невозможна без контроля, в том числе инспекций на местах, всей *цепочки* производства, хранения, развертывания на носителях, снятия с вооружения и демонтажа тактических ядерных боеголовок. Необходимо также согласовать производство, хранение и развертывание *разрешенных* боеголовок для стратегических носителей и *запрещенных* – для субстратегических. Такой контроль, по сути дела, будет означать раскрытие важнейших военных секретов государств-участников соглашения, особенно когда под него попадают производство и демонтаж ядерных боеприпасов. Сложность будет представлять вопрос о контроле над субстратегическими носителями и боезарядами морского базирования. Эту проблему не могли решить в ходе переговоров по стратегическим наступательным вооружениям, и нет оснований предполагать, что США изменят свою традиционно негативную позицию относительно инспекций на местах в отношении надводных боевых кораблей и подводных лодок.

Возникает также вопрос об участниках переговоров и, соответственно, будущего соглашения, его содержании и географической зоне действия. Пока речь идет о российско-американских переговорах и договоренностях, которые так или иначе сопряжены с новым соглашением по стратегическим вооружениям. В этом случае теоретически возможны два варианта.

Первый – глобальное выравнивание российского и американского потенциала субстратегических ядерных вооружений. Это будет означать серьезное – в два–три раза – одностороннее сокращение российских субстратегических вооружений. Политически, для России такое решение будет, скорее всего, сопряжено со значительными сложностями, поскольку левые и националистические круги практически наверняка заблокируют его

ратификацию в парламенте и развернут пропагандистскую кампанию, обвиняя руководство страны в пренебрежении национальной безопасностью. Такой вариант может встретить оппозицию и в европейских государствах. Простое выравнивание российского и американского потенциалов субстратегического оружия не исключает, что в случае необходимости весь его российский арсенал может быть сосредоточен вблизи западных границ России, тогда как в Европе останутся лишь незначительные по своему количеству французские и английские вооружения и, возможно, небольшое количество американских тактических авиабомб.

Второй вариант предполагает, что будут введены дополнительные потолки на размещение субстратегических вооружений в определенных географических зонах. Прежде всего, к таким зонам относятся европейская и азиатская части российской территории, а также те или иные районы Европы за пределами России. Логика такого подхода потребует установления примерного равенства между российским потенциалом, размещенным в европейской части страны, и субстратегическими вооружениями Франции и, потенциально, Великобритании (если последняя вновь развернет их), а также размещенными в Европе американскими вооружениями⁹⁴. Соответственно, потребуется введение *потолка* на американские субстратегические вооружения в Европе. Аналогичная ситуация возникнет в азиатской части, применительно к российским и китайским вооружениям. Это предполагает, что Франция, Великобритания и Китай возьмут на себя обязательства в отношении своих ядерных вооружений, что маловероятно до тех пор, пока российский и американский арсеналы стратегических вооружений не будут соизмеримы с французским, английским и китайским, то есть не сократятся до двух–трех сотен единиц. Такая перспектива в обозримом времени не просматривается.

Возможные шаги и меры

Перечисленные проблемы фактически перекрывают возможность заключения в обозримом времени соглашения по субстратегическим ядерным вооружениям *традиционного* типа, предусматривающего, помимо всего прочего, надежную и неизбежно весьма интрузивную систему проверки. В то же время, вопрос о контроле над такими

Научные Записки ПИР-Центра №16

вооружениями не только не снимается с повестки дня, но и обретает все бóльшую актуальность.

В этих условиях единственная возможность продвижения вперед – согласование комплекса ограниченных, в том числе односторонних мер политического характера, снижающих остроту проблем, хотя и не решающих их полностью. К таким мерам могут относиться, например, односторонние политические обязательства о не наращивании субстратегических вооружений Франции, Великобритании, а также американских вооружений в Европе. Ответной мерой со стороны России могло бы быть обязательство не наращивать свои аналогичные вооружения на европейской территории страны. Подобные шаги демонстрируют готовность соответствующих государств искать взаимоприемлемые решения.

Важную роль мог бы сыграть обмен официальной, возможно конфиденциальной, информацией о количестве и размещении субстратегических ядерных вооружений, включая носители, между Россией, США, Францией, Великобританией и, возможно, КНР, если последняя пойдет на такой шаг. Это – мера, также, скорее, политическая, чем военная, но она может укрепить доверие и снять подозрения относительно секретного размещения субстратегических вооружений в районах, откуда они способны нанести массированный удар по чужой территории.

Политическую и военную значимость такого обмена информацией могла бы усилить договоренность о проведении инспекций тех мест, где не должно находиться субстратегическое ядерное оружие. Это будет уже полноценная мера укрепления доверия в военной области. При этом инспекции, проводимые для того, чтобы убедиться в отсутствии ядерных боеприпасов в определенном районе, не требуют посещения предприятий по производству и демонтажу ядерного оружия, его складов и других военных объектов, а также предоставления наиболее чувствительной информации. В свете этого, такие инспекции намного более реальны, чем инспекции, призванные выявить наличие лишь некоего *разрешенного* количества ядерных боезарядов в определенной географической зоне.

Наконец, создание зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной и Восточной Европе, может существенно стабилизировать военно-политическую ситуацию в регионе. Это, например, может снять опасения России относительно того, что фронтовая авиация НАТО окажется способной нанести ядерные удары по большому количеству целей на европейской территории страны. В свою очередь, НАТО получит определенные гарантии того, что не станет объектом неожиданного ядерного удара со стороны России. При этом, как только что отмечалось, проверка выполнения обязательств, относящихся к не размещению ядерного оружия в определенной зоне, менее болезненна, чем проверка обязательств по ограничению ядерных вооружений. В настоящее время образование такой зоны блокируется позицией России и некоторых стран-членов НАТО. Россия не готова к включению в такую зону Калининградской области, тогда как ряд западных государств, прежде всего новые члены НАТО, не готовы взять на себя соответствующие обязательства. Однако, как не без оснований отмечал Уильям Поттер: *«по сути дела, страны Центральной Европы возможно признают, что зона, свободная от ядерного оружия, может упрочить их безопасность в долгосрочной перспективе, особенно, если альтернативой такой зоне является развертывание Россией ядерного оружия вблизи границ и нацеливание его на территории стран Центральной Европы»*⁹⁵.

В свою очередь, согласие России на включение Калининградской области в такую зону сняло бы подозрения в том, что эта область рассматривается как район возможного развертывания субстратегических вооружений, что вызывает особую озабоченность европейских государств.

Перечисленные и другие возможные шаги относятся, прежде всего, к Европейскому континенту, и призваны если не устранить, то, по крайней мере, снизить напряженность и подозрительность в отношениях между Россией и странами НАТО. На Дальнем Востоке складывается существенно иная обстановка. Там перспективы контроля над субстратегическими вооружениями зависят во многом от позиции Китая, которая пока не дает оснований для оптимизма.

Научные Записки ПИР-Центра №16

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод, вытекающий из проведенного анализа, в том, что субстратегическое ядерное оружие России не может выполнить функцию сдерживания гипотетической агрессии на региональном уровне. Такая агрессия со стороны НАТО и – в обозримой перспективе – со стороны Китая крайне маловероятна, тогда как главные вызовы безопасности России связаны с локальными нестабильностями, напряженностями и конфликтами на Кавказе и в Центральной Азии. Но это – политические калькуляции, не всегда являющиеся убедительными при составлении военных планов, которые, как правило, ориентируются на наихудший из возможных вариантов. Суть дела, однако, в том, что если в процессе гипотетического конфликта на Западе или на Дальнем Востоке Россия продемонстрирует подготовку к ограниченному применению субстратегического ядерного оружия, то потенциальный противник будет иметь все основания для нанесения упреждающего удара. И тогда российское руководство станет перед жесткой дилеммой – либо идти на катастрофическую эскалацию ядерного обмена, либо признать свое поражение.

Поскольку в обозримое время Россия не сможет устранить ширящийся дисбаланс в обычных вооруженных силах и вооружениях с США и НАТО, то единственной реалистической линией поведения является ориентация на предупреждение возникновения возможных конфликтов на западном направлении, сотрудничество с Западом в тех областях, где оно возможно и необходимо, прежде всего, в противодействии экстремистским движениям и режимам в *третьем мире*. Реализация мер доверия и транспарентности в отношении субстратегических вооружений может стать важным элементом новой, более стабильной и предсказуемой военно-политической ситуации на Европейском континенте. Возникает также вопрос – насколько военно-техническое сотрудничество с Китаем соответствует долгосрочным интересам безопасности России?

Вместе с тем, непредсказуемость развития мировой стратегической обстановки не позволяет полностью отказаться от ядерного оружия. И в этом контексте наиболее разумным представляется ориентация на минимальное ядерное сдерживание при помощи стратегических сил.

Научные Записки ПИР-Центра №16

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ББМ – боевая бронированная машина
БРПЛ – баллистическая ракета подводной лодки
ВКС – Военно-космические силы
ВРКО – Войска ракетно-космической обороны
ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе
КРВБ – крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ – крылатая ракета морского базирования
КРНБ – крылатая ракета наземного базирования

МБР – межконтинентальная баллистическая ракета
МСЯС – морские стратегические ядерные силы
ОВД – Организация Варшавского договора
ОМУ – оружие массового уничтожения
РВСН – Ракетные войска стратегического назначения
РЛС – радиолокационная станция
РСМД – ракеты средней и меньшей дальности
СИПРИ – Стокгольмский международный институт исследований мира
СПРН – система предупреждения о ракетном нападении
СЯС – стратегические ядерные силы
ТЯО – тактическое ядерное оружие

Научные Записки ПИР-Центра №16

КОММЕНТАРИИ

¹В данном исследовании под термином *ядерные вооружения* понимается ядерный боеприпас (боеголовка) в сочетании с его носителем (ракета или самолет) или пусковой установкой (например, артиллерийское орудие).

²Васильев В.А., Голубчиков С.В., Новиков В.К. Основы противодействия перспективным системам противоракетной обороны противника. М., РВСН, 2000, с.304

³Послание по национальной безопасности президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996, с.24

⁴Судя по классификации реально построенных и проектировавшихся в СССР ракетных вооружений, к тактическим ракетам относились ракеты, имевшие дальность порядка 300 км, тогда как к оперативно-тактическим – имевшие дальность от 600 до 1000 км. Ракеты дальностью свыше 1000 км относились к категории средней дальности (Первов Михаил. Ракетное оружие Ракетных войск стратегического назначения. М., 1999). Приведенные в других советских источниках определения тактических и оперативно-тактических вооружений не содержат количественных критериев, позволяющих провести между ними четкую разделительную линию (Военный энциклопедический словарь. М., 1983).

⁵Так, советская МБР Р-36 (SS-9 или *Scarp*), принятая на вооружение в 1967 году, с боеголовкой массой 3,9 т имела дальность 15,2 тыс. км, а с боеголовкой массой 5,8 т – 10,2 тыс. км. Аналогичные характеристики ракеты Р-16 (SS-7 или *Saddler*) составляли 13 тыс. и 10,5 тыс. км при полезных нагрузках 1,4 и 2,1 т. См.: Первов Михаил. Ракетные комплексы РВСН. М., 1999, с.176, 179

⁶В одном из источников указывается, что при попытке запустить *Оку* на дальность 407 км «система управления дала сбой». Это обстоятельство, интересное само по себе, не убеждает, что *Ока* не могла преодолеть дальность более 400 км, поскольку дальность полета ракеты определяется, прежде всего, энергетическими параметрами двигателя и величиной полезной нагрузки. Возникает также вопрос – на какую дальность могла бы пролететь *Ока* с исправной системой управления? См.: Шикорад Александр. Малая бомба для малой войны. *Независимое Военное Обозрение*, 6 марта 1998, с.6

⁷Послание по национальной безопасности президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1996, с.24

⁸Военная доктрина Российской Федерации. *Независимая Газета*, 22 апреля 2000, с.6

⁹Там же.

¹⁰Там же.

¹¹Васильев В.А., Голубчиков С.В., Новиков В.К. Цит. соч., с.303

¹²Первов Михаил. Ракетные комплексы РВСН., с.177, 178

¹³Standing Consultative Commission. First Agreed Statement Relating to The Treaty Between the United States of America and the Union of the Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems of May 26, 1972. 26 September 1997

¹⁴North Atlantic Council. Strategic Concept. 7 November 1991, par.56

¹⁵Yost David S. The US and Nuclear Deterrence in Europe. *Adelphi Papers* 326. IISS, 1999, p.11

¹⁶Lodal Jan. The Price of Dominance. Council on Foreign Relations, 2001, p.23, 24

¹⁷Fieldhouse Richard. China's Mixed Signals on Nuclear War. *Bulletin of Atomic Scientists*, No.4, Vol. 47, 1991, p.44

¹⁸Nuclear Notebook. *Bulletin of the Atomic Scientists*, No.10, Vol. 47, 1991

¹⁹Кохран Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Ядерное вооружение СССР. М., ИзДАТ, 1992, с.20, 28-29

²⁰Имеются, впрочем, сведения, что в 1959 году СССР предпринял попытку разместить в ГДР несколько ракет Р-5М (SS-3 или *Shister*) дальностью 1200 км. В связи с поступлением на вооружение ракет Р-12 (SS-4 или *Sandal*), имевших большую дальность, ракеты Р-5М были в конце 1959 года выведены из ГДР. См.: Первов Михаил. Ракетное оружие Ракетных войск стратегического назначения., с.51

²¹Кохран Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Цит. соч., с.13

²²Soviet Military Power. An Assessment of Threat. Washington DC, 1988, p.73

²³Шикорад Александр. Цит. соч.

²⁴Арбатов Алексей. Безопасность: российский выбор. М., Эпицентр, 1999, с.362

²⁵Шикорад Александр. Цит. соч.

²⁶Кохран Т., Аркин У., Норрис Р., Сэндс Дж. Цит. соч., с. 284, 285, 292, 293

²⁷Joint vision 2020. Wash., DC, GPO, June 2000, pp.3, 4

²⁸A National Security Strategy for a New Century. The White House, October 1998, p.12

²⁹Рассчитано по: Table 6.5. Department of Defense Total Obligational Authority by Program. National Defense Budget Estimates for FY 2001. Wash., DC, GPO, February 2000, p.67

³⁰Executive Summary of the Report of the Commission to Assess The Ballistic Missile

Научные Записки ПИР-Центра №16

Threat To The United States. fas.org/threat/missile/index.html, 15 July 1998

³¹Ibid.

³²Mello Greg. New bomb, no mission. *Bulletin of the Atomic Scientists*, No.3, Vol.53, May/June 1997, pp.28-32

³³SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.465

³⁴Cohen William S. Annual Report to the President and the Congress. Washington DC, GPO, 2000, p.72

³⁵Deutch John. Comments at Press Conference. News Released by the Office of Assistant Secretary of Defence for Public Affairs, 22 September 1994, p.7

³⁶Lodal Jan. Op. cit., p.25

³⁷Potter William C. Unsafe at any size. *Bulletin of the Atomic Scientists*, No.3, Vol.53, May/June 1997, p.13

³⁸В частности такая концепция была сформулирована в докладе: The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy. Washington, D.C., Committee on International Security and Arms Control, National Academy of Science, 1997

³⁹Цит. по: Nelson Robert W. Low-Yield Eaeth Penetrating Nuclear Weapons. FAS Public Interest Report, Vol.1, 2001

⁴⁰Mello Greg. Op. cit., p.30

⁴¹NATO's Nuclear Forces in the New Security Environment. NATO Basic Fact Sheets, nato.int/docu/facts/nfnfse.htm, 27 January 2000

⁴²Шульте Грегори. Миф о ядерных силах и средствах НАТО. *Независимое Военное Обозрение*, 15 февраля 1997, с.6

⁴³The Alliance's Strategic Concept. Approved by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Washington DC on 23 and 24 April 1999, Par. 62 and 63

⁴⁴SIPRI Yearbook 2001. Armaments, Disarmament and International Security. Stockholm International Peace Research Institute, Oxford University Press, 2001, p.471

⁴⁵Жеглова Юлия. Ключевой элемент французской военной стратегии. *Независимое Военное Обозрение*, 8 февраля 1997, с.6

⁴⁶Ядерное разоружение, нераспространение и национальная безопасность. Саров-М., Институт стратегической стабильности, Минатом РФ, 2001, с.71

⁴⁷Там же.

⁴⁸Для обозначения китайских ракет обычно используются три индекса. Первый DF – производное от китайского названия ракет *Дун фэн* (*Восточный ветер*), которое применяется

для ракет наземного базирования; второй – CSS принят в США и означает *China Surface to Surface*, третий – М, применяется для обозначения экспортного варианта ракеты. Индекс JL принят для обозначения ракет морского базирования; это – аббревиатура китайского названия *Джулан*, означающего *Большая волна*. Американский вариант – CSS-N.

⁴⁹Chinese Nuclear Force. *Bulletin of Atomic Scientists*, No.6, Vol.56, Nov/Dec 2000, p.78

⁵⁰White paper on defense policy. Press Office of the State Council, 2000

⁵¹Ming-yen Tsai. China's Acquisitions of Russian SU Fighters: A Great Leap Forward? Division of Strategic and International Studies, Taiwan Research Institute

⁵²Major General Wu Jianguo. Nuclear Shadow on High-Tech Warfare. In: Pillsbury Michael (Ed). Chinese Views on Future Warfare. National Defense University, 2000, fas.org/nuke/guide/china/doctrine/chinaview/chinapt3/htm3

⁵³Ядерные мины были окончательно ликвидированы в 1998 году.

⁵⁴*Bulletin of the Atomic Scientists*, No.3, Vol.57, May/June 2001, p.72; *Bulletin of the Atomic Scientists*, No.4, Vol.56, May/June 2000, p.70

⁵⁵Яковлев Владимир. Первые шаги по сокращению ТЯО в России и роль ТЯО при обсуждении вопросов сокращения ядерных вооружений. Неопубликованная рукопись (передана автором для публикации в ПИР-Центр). Июнь 2001.

⁵⁶Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом президента Российской Федерации 10 января 2000 года. Цит. по: *Ядерное Распространение*, вып.33, декабрь 1999, с.78

⁵⁷Военная доктрина Российской Федерации. *Независимая Газета*, 22 апреля 2000, с.6

⁵⁸Основные положения военной доктрины Российской Федерации. (Изложение). *Красная Звезда*, 19 ноября 1993, приложение, с.5

⁵⁹Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом президента РФ от 17 декабря 1997 года. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России. Московский общественный научный фонд. Хрестоматия, том 2. М., 1999, с.90

⁶⁰Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом президента Российской Федерации 10 января 2000 года. Цит. соч., с.78

⁶¹Военная доктрина российской Федерации. Цит. соч., с.5

⁶²Сокут Сергей. Балканский вариант не прошел. *Независимая Газета*, 24 июня 1999

Научные Записки ПИР-Центра №16

⁶³Сокут Сергей. Надежное сдерживание меньшими силами. *Независимое Военное Обозрение*, №39, 16 октября 1998, с.2

⁶⁴Сафранчук Иван. Будущее ядерных сил России. *Научные Записки ПИР-Центра*, №10, апрель 1999, с.33, 43; Ядерная триада России: пути развития. *Красная Звезда* (со ссылкой на Пресс-службу министерства обороны РФ), 11 июля 1998, с.1; Голотюк Сергей. Россия подбирает себе новый ядерный щит. *Русский Телеграф*, 8 июля 1998, с.2; Сокут Сергей. Путин осваивает роль главковерха. *Независимая Газета*, 7 апреля 2000, с.1; Сафонов Дмитрий. Российский флот озеленится Тополями. *Ядерная Безопасность*, №15-16, с.7

⁶⁵Яковлев Владимир. РВСН – это, прежде всего, щит государства. *Ядерный Контроль*, №6, ноябрь-декабрь 1998, с.4

⁶⁶Сокут Сергей. Ельцин утвердил ядерную политику. *Независимая Газета*, 16 марта 1999, с.1

⁶⁷Коротченко Игорь. Отечественный ядерный комплекс разваливается. *Независимая Газета*, 30 апреля 1999, с.1

⁶⁸Григорьев Сергей. Военно-политический козырь России. Интервью с Главнокомандующим РВСН Владимиром Яковлевым. *Независимое Военное Обозрение*, №49, 17–23 декабря 1999, с.1

⁶⁹Фельгенгауер Павел. Ограниченная ядерная война? А почему бы и нет!. *Сегодня*, 6 мая 1999, с.1

⁷⁰Выступая на международной конференции The Missile Threat and Plans for Ballistic Missile Defense: Technology, Strategic Stability and Impact on Global Security, состоявшейся в Риме в январе 2001 года, ответственный сотрудник российского МИД Юрий Капралов заявил, что если США нарушат договор по ПРО, «the Russian Federation would discontinue the implementation of START-I Treaty [...]; The START-II Treaty would not be enacted [...]; further agreed upon reductions of strategic offensive arms would become impossible [...]; the on-going implementation of unilateral initiatives of 1991–1992 would be stopped and reviewed; the expedience of the INF Treaty [...] would be closely examined with more chances for the Treaty to be scrapped; even the CFE Treaty, recently adapted would be put in doubt [...]». См.: Kapralov Yuri, Director of the Department for Security Affairs and Disarmament, Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation. Presentation at the International Conference «The Missile Threat and Plans for Ballistic Missile Defense: Technology, Strategic Stability and

Impact on Global Security». Rome, 17–19 January 2001

⁷¹*Сегодня*, 18 февраля 1994, с.9

⁷²Кокошин Андрей. Какая армия нам нужна. *Сегодня*, 7 июля 1996

⁷³Виктор Есин: «Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России». *Ядерный Контроль*, №2, том 6, март-апрель 2000, с.33

⁷⁴Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена указом президента Российской Федерации 10 января 2000 года. Цит. по: *Ядерное Распространение*, вып.33, декабрь 1999, с.79, 71; Военная доктрина российской Федерации. Цит. соч.

⁷⁵Рогов Сергей. Россия и ядерное оружие. *Независимое Военное Обозрение*, №47, 11 декабря 1998, с.4

⁷⁶Арбатов Алексей. Безопасность: российский выбор. М., Эпицентр, 1999, с.370, 371

⁷⁷Там же. Бросается в глаза, что упоминая о возможности оснащения ракет *Искандер* ядерными боезарядами, Алексей Арбатов, фактически ставит вопрос об отказе от российско-американских односторонних обязательств по тактическому оружию 1991–1992 годов.

⁷⁸Сиволоб Владимир, Сосновский Михаил. Реальность сдерживания. *Независимое Военное Обозрение*, №41, 22 октября 1999, с.4

⁷⁹Там же

⁸⁰Дерновой Владимир. Безопасность ядерного арсенала. *Красная Звезда*, 16 октября 1999, с.4

⁸¹Петров Николай. Война с невероятным противником. *Коммерсант-Власть*, 25 июля 2000, с.18, 19

⁸²Наши ядерные силы уничтожат любого противника многократно и гарантировано. Полный текст открытой части выступления Владимира Путина 14 апреля 2000 года в Госдуме. *Коммерсант*, 15 апреля 2000, с.2

⁸³*Интерфакс*, 29 апреля 1999

⁸⁴Potter William C., Sokov Nikolai. Tactical Nuclear Weapons: The Nature of the Problem. Report initially prepared for the Conference «Tactical Nuclear Weapons». United Nations Institute for Disarmament Research, Geneva, 21-22 March 2000, p.8

⁸⁵Географическими пределами применения Соглашения о сокращениях вооруженных сил являются полосы глубиной в 100 км по обе стороны от линии границы между Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем – с другой. Под действие соглашения попадают лишь сухопутные войска, фронтовая авиация и

Научные Записки ПИР-Центра №16

авиация ПВО. Пограничные войска не подлежат сокращению. Из-под сокращения выведены РВСН, ТЯО, ВМФ, дальняя стратегическая авиация, ракетные части ПВО, самолеты разведки и радиоэлектронной борьбы. Проблема, однако, в том, что в силу географических причин для России нелегко разместить соответствующие вооружения за пределами полосы в 100 км, тогда как Китай в состоянии сконцентрировать крупные контингенты войск на расстоянии в 100 км и далее от границы с Россией.

⁸⁶Ивашов Леонид. Возможен ли военно-политический союз? *Независимая Газета*, 18 октября 1994, с.4

⁸⁷Квашнин — за сокращения. *Независимое Военное Обозрение*, №23, 30 июня—6 июля 2000, с.1

⁸⁸Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений. *Дипломатический Вестник*, №4, 1997, с.7

⁸⁹Арбатов Алексей. Безопасность: российский выбор., с.472

⁹⁰У нас последовательная и четкая позиция. *Красная Звезда*, 15 декабря 2000

⁹¹Там же

⁹²СНВ-2: безопасность на паритетных началах. *Красная Звезда*, 16 мая 2000

⁹³Sokov Nikolai. Tactical Nuclear Weapons Elimination: Next Step for Arms Control. *Nonproliferation Review*, winter 1997, p.20

⁹⁴Теоретически к английским субстратегическим вооружениям можно отнести те из них, которые предназначены для нанесения субстратегического демонстрационного удара.

⁹⁵Potter William C. Unsafe at any size. *Bulletin of the Atomic Scientists*, No.3, Vol.53, May/June 1997, p.13

Научные Записки ПИР-Центра №16

Об авторе

Федоров Юрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, профессор. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. Работал в международном отделе ЦК КПСС, после чего в 1991 году перешел на должность заместителя заведующего кафедрой политологии МГИМО МИД РФ. С сентября 1998 года – заведующий сектором, а с декабря 2000 года – заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. С июня 2001 года – заместитель директора ПИР-Центра. С 1997 года – член Совета ПИР-Центра.

Является крупным специалистом в области проблем международной безопасности, контроля над ядерными вооружениями и принятия политических решений. Его имя и многочисленные научные труды по вопросам стратегических наступательных вооружений, тактического ядерного оружия, противоракетной обороны, систем предупреждения о ракетном нападении хорошо известны в России и за рубежом, особенно в Европе. В течение двух лет возглавлял авторский коллектив и является автором ряда глав в ежегодных Докладах о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, публикуемых Программой развития ООН. Он соредатор и автор ряда глав в трех книгах, подготовленных в рамках проекта Национального оборонного колледжа Швеции, посвященных отношениям России–НАТО, влиянию недавних выборов на внешнюю политику России и отношениям России и Европы. Ряд научных работ посвящен энергетическим аспектам безопасности, в частности, в районе Каспия. Работал в Королевском колледже в Лондоне, занимаясь исследовательской и преподавательской работой в рамках Программы исследований безопасности в посткоммунистическую эру.

Преподавательская деятельность Юрия Федорова связана, прежде всего, с МГИМО МИД РФ. Вплоть до осени 2001 года являлся профессором кафедры сравнительной политологии МГИМО.

Научные Записки ПИР-Центра №16

SUMMARY

This study attempts to answer a number of questions pertaining to the tactical nuclear weapons. What is the policy of nuclear-weapon states, including Russia, with respect to the sub-strategic nukes? What are the major problems concerning control of such weapons? What are the prospects for such control? What is the role of sub-strategic nuclear weapons in maintaining Russia's military security?

The end of the tough political and ideological East-West conflict has changed the nature of strategic stability. Post-Cold War restructuring of the international politics has led to dramatic transformation of strategic planning of the nuclear-weapon states, which affects their attitude towards sub-strategic weapons. Leading Western nations preserve their nuclear arsenals, but pursue the policy of neutralizing threats caused by local conflicts. Particular attention is paid to the development of effective rapid deployment force. The priority issues are, hence, to enhance the combat readiness, to support the capabilities for rapid theater deployment, to introduce the achievements of the information revolution.

At the same time, the aforementioned unpredictability makes the states to preserve some of their nuclear arsenals to ensure national security, if dramatic military-political changes occur. Meanwhile, the overestimation of the nuclear weapons and their treatment as the *absolute* security means diverts the attention and resources from the modernization of conventional armed forces, development of the protection means against terrorism and information warfare, which seem to be the most probable security challenges in the foreseeable future.

In the course of debate in Russia it is often said that sub-strategic nuclear systems may better than strategic weapons compensate for degrading conventional forces and the inevitable reduction in strategic arsenals. Nuclear weapons may accomplish this task, but only if the enemy does not possess nuclear arms. If one threatens with nuclear strikes (even sub-strategic) to a nuclear-weapon enemy, the reaction of the latter should be taken into account. This may cause a limited nuclear war with the potential for escalation. However, the consequences of such war may be disastrous for Russia. Key challenges to Russia are caused by local instability and conflicts. If Russia keeps the orientation on nuclear (including sub-strategic) deterrence, this may significantly reduce Russia's field for maneuver in local and regional wars (lying between low-intensity operations and nuclear warfare).

International agreements on reduction or limitation of sub-strategic nuclear weapons may strengthen sustainability to crises in Europe and, hence, enhance Russia's political positions in its relations with the West. The negotiations on this topic are now blocked due to political positions of some states and a number of technical issues. Unless the latter are resolved, any agreement on further reduction and limitation of sub-strategic weapons will be impossible. The only way forward is to agree upon a number of limited, even unilateral political measures, at least, in order to mitigate the problems (though such measures cannot be a perfect remedy to the problems).

Such measures may include unilateral political commitments to refrain from the buildup of sub-strategic weapons. The commitments may be made by France, the UK, and the United States (concerning their weapons in Europe). Russia's reciprocity may be the commitment to refrain from the buildup of the same force on the European part of the territory. These steps would demonstrate the willingness of appropriate states to seek mutually acceptable solutions. The exchange of information (perhaps, even confidential information) on sub-strategic nuclear weapons and their launchers between Russia, the United States, France, the UK and, probably, China (if the latter agrees) will be important. Political and military significance of the commitments would increase if the parties agree upon the inspections at the sites, where sub-strategic nuclear weapons should not be deployed in accordance with the aforementioned initiatives. This would be a fully-fledged confidence-building measure. Finally, the establishment of the nuclear-weapon-free zone in Central and Eastern Europe may substantially stabilize military-political situation in the region. At present, the establishment of such zone is impeded by Russia and some NATO member states. Russia is not ready to include the Kaliningrad region in the zone, whereas some Western states (notably new NATO members), are not willing to undertake the appropriate commitments.